

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ТАТЬЯНА
БУГЛАК

ПАРАЛ- ЛЕЛЬ- ЩИКИ

Mystic & Fiction

Татьяна Буглак
Параллельщики

ИД «Городец»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буглак Т.

Параллельщики / Т. Буглак — ИД «Городец», 2018 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-41-8

Неожиданно оказаться в другом мире – классическая завязка фантастической истории. Только вот Ната не супергероиня, а обычный музейный работник, да и новый мир мало отличается от нашего. Или все же отличается? Что связывает музейщицу Нату, закованную в колодки крепостную Машу и не помнящего свое детство инженера Лаки – только ли то, что они все параллельщики? Как могут помочь пришельцам местные ученые, принявшие их в свою команду? И как сделать тот единственный выбор, от которого зависят жизни множества людей? Это не рассказ о приключениях, а история о дружбе, связавшей людей из многих миров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-41-8

© Буглак Т., 2018
© ИД «Городец», 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Буглак

Параллельщики

*Спасибо моей сестренке и всем, кто помогал вылавливать ошибки.
Отдельная благодарность
Александру Герасименку за поддержку и консультации, особенно
за помощь с телефонами*

*Встать бы однажды в ненастную ночь,
Все превозмочь и друг дружеске помочь...*

Дуэт «Иваси». Только так

© Татьяна Буглак, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Предисловие

Здравствуйте. Меня зовут Ната, я – параллельщица. Одно из двух: или вы в последнее время очень часто слышали это слово, или никогда его не встречали, и, скорее всего, не обратили внимания на промелькнувшее некоторое время назад сообщение о непонятном ЧП в одном из городов Центральной России – все зависит только от того, где именно вы живете. Но, думаю, в любом случае вам будет интересно узнать, что же означает это слово, верно? Так и мое начальство считает, к тому же уверено, что я «смогу все правильно объяснить». На самом деле в этом его убедили мои коллеги, совершенно не желающие заниматься «пустой писаниной»: «Нам и так отчетов хватает». Поэтому рассказывать все приказали именно мне, хорошо, не ограничив требованиями «писать надо так». Вот и буду рассказывать, как умею и как запомнила.

Глава 1

Вся эта история началась для меня пасмурным зимним утром. Я уже несколько лет, как переехала из Сибири на «историческую родину», но так и не смогла привыкнуть к местной погоде: рождественские дни, а тут дождь, в «лучшем» случае – со снегом. Хорошо, что никуда из дома выходить не нужно. Я, вздохнув, отвернулась от окна, сделала шаг, и... Почему-то фантасты и сказочники пишут, что «сначала закружилась голова, а потом...». Так вот, на самом деле все бывает наоборот, уверяю вас. Сначала я оказалась в незнакомом месте, а уж потом, когда до меня это дошло, голова отказалась принимать реальность, и мне пришлось ухватиться за первую попавшуюся вещь – хорошо, что это оказалась спинка обычного деревянного стула. Впрочем, и остальное было пусть и незнакомым, но вполне обычным: просторное помещение, здорово смахивающее на переоборудованный под мастерскую большой гараж: покрытые серой краской бетонные стены, обычная, хотя и несколько старомодная, фабричная мебель. Да и человек передо мной стоял вполне обычный – пожилой мужчина в простой старой рубашке и вытертых брюках. Только одно было необычным: громоздкий и хрупкий с виду аппарат чуть справа, от которого тянулись провода к двум приборам поменьше, по обеим сторонам от меня, стоявшим на большом листе картона, – в нем я вскоре признала асбестовую изоляционную плиту. Я же находилась аккурат между этими небольшими аппаратами.

– Сейчас-сейчас. Осторожнее, подождите, я помогу, а то вы упадете. – Мужчина был бледен и взволнован и кинулся меня поддержать. – Сейчас-сейчас, не спешите. Это моя вина! Следовало подумать о таком варианте. Вы можете идти? Совсем немного, там у меня диван, вы сможете прилечь.

Мужчина говорил нервно, торопливо и явно искренне, хотя это до меня доходило очень плохо. Я с его помощью добралась до выгороженной в дальнем конце помещения каморки, где на самом деле оказался старый узкий диван, столь же старые стулья и накрытый вытертой клеенкой стол, на котором стояли тоже не отличающейся новизной пластиковый электрочайник и какая-то посуда. Мужчина усадил меня на диван, включил чайник.

– Простите меня, я должен был думать! Я очень виноват перед вами, но обещаю – обязательно верну вас обратно! Меня Михаил Петрович зовут, а вас?

– Ната... – Я сидела оглушенная, и, думаю, в тот момент меня можно было спрашивать обо всем, что знаю, – ответила бы без всяких «сывороток правды».

Михаил Петрович налил мне кружку (чистую, что я отметила автоматически) чая, придвинул эмалированную мисочку с сухарями:

– Возьмите, вам сейчас нужно прийти в себя, сладкое в этом помогает. Вам ведь можно сладкое?

– Да. – Я машинально взяла золотистый сухарик с темными пятнышками изюма. Ого, вкусный, давно такого не ела, и на самом деле успокаивает.

Михаил Петрович, вздохнув, потянулся к лежавшей на полочке над столом аптечке. Я таких с детства не видела, да и тогда играла списанной, их уже нигде не использовали: коричневая прямоугольная сумочка из дерматина с закрывающимся на блестящий поворотничек «язычком». Где же он такой раритет нашел? Мужчина достал из аптечки прозрачную колбочку с янтарными капсулами, кинул одну под язык:

– Простите, перенервничал. Возраст уже. Вы пейте чай, пейте, а я пока покаюсь. Это моя вина, что вы тут оказались: я эксперимент по изучению пространства проводил. Первый удачный... – Он улыбнулся с грустной иронией. – Для моих целей удачный, а вот для вас... Теперь нужно думать, как вас домой возвращать. Вас ведь там наверняка ждут.

Я слушала негромкий голос мужчины, пила чай, и тут меня начало трясти. Не плач, а именно что колотун – другого слова не подобрать. Михаил Петрович снова потянулся к аптечке:

– Сейчас-сейчас... – Видимо, это было его любимое слово. – Сейчас, вот, валерьянка. Ничего другого нет, но, может, хоть немного поможет. Давайте в чай накапаю. Десять... пятнадцать... Думаю, хватит. Вот, выпейте.

Я сглотнула комок в горле и взяла кружку. Многим валерьянка не нравится, считают, что она больницей пахнет, а мне нормально, просто приятный аромат трав. Я пила чай, слушая, что говорит мужчина, возившийся теперь с какой-то большой тетрадью в потертой клеенчатой обложке, и вдруг резко, в одно мгновение, провалилась в сон.

* * *

Проснувшись вялая и попыталась понять – где я? Не дома, но где? Серый крашенный бетон стен, фанерная перегородка, старая мебель. Я – на диване, буквально заваленная каким-то тряпьем. С трудом вспомнив, что произошло, выбралась из-под тряпья, встала, шагнула к хлипкой филенчатой двери, когда-то, наверное, стоявшей в частном доме, а теперь принесенной сюда – для такого места сойдет. Открыла ее и остановилась. Все помещение оказалось разгромлено. Смутно запомнившиеся мне приборы стали грудой обломков и, что намного хуже, осколков, усыпавших пол. На столе у стены стоял разбитый же монитор, на полу валялся превращенный в абстрактную фигуру системник с выпотрошенным нутром. У входа в помещение, метрах в десяти напротив меня, лежал человек, около него расплылось темное пятно. Я не могла сделать ни шага, но не от страха, который, как обычно, запаздывал, просто я была в одних носках. Не люблю ходить в тапочках, и здесь оказалась почти босиком, а осколки на полу были такие, что не то что в носках, а и в обуви на платформе опасно идти – только сама покалечусь. Огляделась, ища хоть что-то, хоть доски какие-нибудь. Ничего, только в бедро ударил лежавший в кармане телефон: я рассеянная, за временем не слежу и ношу старый мобильник вместо будильника. Так, зарядки достаточно, хотя знакомого значка провайдера нет, только сообщение, что телефон ищет сеть. Но ведь можно вызвать спасателей: симка для такого не нужна, главное, чтобы где-то поблизости находилась хоть одна вышка связи, а она точно есть, потому что мы в городе. Какой же номер? Раньше у милиции был ноль два, но теперь полиция, а номер единый для всех служб, но какой? Вспомнила, набрала пресловутые 112. Раздались странные гудки, совсем не такие, как обычно при соединении, и удивленный голос:

– Кто это? Назовите позывные рации!

– Простите, я не знаю... – Я еще раз оглядела комнату. – Нужна помощь, тут человек без сознания, в крови.

Голос на той стороне стал жестким и требовательным:

– Кто вы? Где находитесь? Какой человек?

– Не знаю. Это какой-то большой гараж, переделанный в лабораторию. Я в кладовке, в дальнем углу, босая, все вокруг засыпано битым стеклом, у входа лежит человек, на полу рядом с ним кровь. Я сама до него добраться не смогу.

– Не отключайтесь! – Голос стал тревожно-деловым, отдалился, и я успела уцепить начало фразы, сказанной в сторону: «Срочно! Кажется, парал...». Через несколько секунд голос снова заговорил, уже спокойно-деловым тоном:

– Не отключайтесь, мы найдем вас по сигналу рации. Можете рассказать о себе? Кто вы?

– Вы не поверите... – Я испугалась, что меня посчитают сумасшедшей.

– Мы приняли ваш вызов, значит, поверим и вам. Нам нужно знать, кто вы.

Я стала рассказывать, голос уточнял, переспрашивал, становясь все более тревожным и деловым. Потом оборвал меня:

– Вас нашли, сейчас войдут в помещение. Не отключайтесь, пока наши люди не поговорят с вами.

Послышался шум, потом в проеме дальней двери показались люди: несколько человек склонились над лежавшим, а один направился ко мне. Под его ногами хрустело стекло.

– Рация работает? Можно?

Я протянула брусочек мобильного, мужчина коротко бросил в динамик: «Все подтвердилось, реанимационный комплекс и комната для переговоров, отбой» – и вернул мне телефон.

– Не побоитесь, если я вас отнесу?

– Нет, но вам же тяжело будет. – Я не пышка, но и не «дюймовочка», мужчина же был невысок и сухощав.

– А мы вдвоем. – Он кивком подозвал обследовавшего разгром парня. – Садитесь, донесем как королеву.

Они вынесли меня на «кресле» из рук, усадили в большой микроавтобус со странной эмблемой: в разорванном круге две вертикальные прямые, перечеркнутые по верху наклонной короткой линией так, что все напоминало небрежно написанную букву «П». Рядом уже стояла белая машина скорой помощи, в которую закатывали носилки. Мужчина проследил мой взгляд.

– Он выкарабкается, вы вовремя нас вызвали. Поехали!

В автомобиле, кроме меня, этого мужчины и водителя, никого не было. Все молчали, а я еще и смотрела на видневшиеся через лобовое стекло фрагменты незнакомых улиц. Когда машина останавливалась на светофорах, мне удавалось разглядеть и пешеходов, выглядевших несколько странно, но странность эта оставалась неуловима для меня. Потом я поняла: на всех была почти летняя одежда.

* * *

Наконец машина въехала во двор и остановилась. Нас уже ждали, и, когда дверь открылась, невысокая сухощавая женщина лет пятидесяти протянула мне шлепанцы:

– Обуйтесь. Другого, к сожалению, предложить не можем.

– Спасибо. – Я всунула ноги в великоватые для меня и в то же время слишком узкие шлепки и спрыгнула с довольно высокого порога машины.

Мы находились во дворе старинной, наверное еще петровских времен, усадьбы: справа стоял большой каменный дом с мощным, вынесенным вперед крыльцом, впереди и слева – одноэтажные, казавшиеся приземистыми каменные же флигели, за которыми виднелась колокольня какой-то церкви. Все это я заметила за те секунды, пока мы шли во флигель с левой стороны двора.

Я думала, что меня приведут в какой-нибудь закуток-кабинет этого выглядевшего обыкновенным флигеля, но нет, здание оказалось со множеством сюрпризов, и первый из них – старинные и даже несколько облупленные снаружи стены скрывали великолепно отремонтированные помещения: не было никаких пластиковых панелей «под дерево» и решеток, закрывающих потолочные ниши с ртутными лампами, а вот хорошая краска на идеально выровненных стенах, панели из искусственного камня, дорогие светильники и металлическая отделка хоть и не бросались в глаза, но создавали ощущение надежности и современной деловой респектабельности не роскошного, а именно очень уважаемого и серьезного учреждения. Второй сюрприз – меня провели по небольшому коридору к металлической, но удобной лестнице вниз. Видимая часть флигеля оказалась только «верхушкой айсберга», а под ним находился еще и двухэтажный, как я успела заметить, подвал, причем тоже старинный и с современным ремонтом.

– Прошу вас. – Женщина провела меня в небольшую уютную комнату. – Чай, кофе?

– Спасибо. – Я растерялась и даже испугалась, вспомнив, чем закончилось для меня прошлое чаепитие. – Можно просто воды?

– Разумно. Прошу вас. – Она указала на стоявшие в небольшом застекленном баре бутылочки с разными видами минералки.

Я выбрала самую маленькую, ориентируясь только на размер: этикетки выглядели совершенно незнакомыми.

Женщина же налила себе чая – на столике стоял именно чайный сервиз.

– Расскажите, что с вами случилось?

Я снова повторила свою историю. Меня несколько раз перебивали – женщина, потом пришедший немного позже мужчина. Особенно часто они переспрашивали название моего города, улицы, уточняли другие названия – рек, соседних городов. Я сначала этого не понимала, потом все же сообразила: если я оказалась в другом городе, то это необходимо как-то объяснить, выяснить, кто я, откуда. Потом мужчина попросил отдать им телефон. Я, помедлив, протянула мобильник – а что еще было делать? Я зависела от них полностью и начинала осознавать это. На меня наваливались страх, беспомощность, непонимание происходящего. Теперь, по прошествии времени, могу на собственном опыте утверждать: красивые истории о гордых героях, проваливавшихся в неизвестные места и с ходу начинавших там всех «по струнке» строить, – бред! На самом деле это почти невыносимо, уверяю вас. Заметив мое состояние, моя собеседница вызвала врача. Зашла высокая светловолосая молодая женщина, совсем не похожая на обычных врачей, скорее уж на спортсменку.

– Здравствуйте. Как вы себя чувствуете? Понимаю, вопрос несколько глупый в такой ситуации, но я должна знать, что с вами происходит, иначе, пытаясь помочь, могу принести вред. Вы говорили, что, попав в то помещение, пили чай и практически сразу же уснули? Вы уверены, что это был чай? Хорошо. Валерьянка? Точно? И вы уснули именно после нее? Вы позволите взять у вас кровь на анализ?

Врач быстро и аккуратно взяла у меня кровь из вены.

– Вот так, из пальца брать не буду, это не так важно сейчас. – Она выглянула за дверь, сказала кому-то: «Срочно в лабораторию» – и вернулась ко мне.

– Пока я не могу дать вам успокоительное, потому что не знаю, как ваш организм реагирует на наши препараты. Поэтому вы должны постараться успокоиться. Все хорошо.

Я от этого «все хорошо» занервничала еще больше:

– Вы мне не верите, считаете, что я все выдумала, но я не сумасшедшая...

– Если бы мы считали вас сумасшедшей, то повезли бы к врачам, а не сюда, и не гадали, можно ли вам нашу еду и напитки, не говоря уже о лекарствах! – Женщина, говорившая со мной с самого начала, была очень серьезна. – Сейчас для нас все выглядит так: вы утверждаете, что оказались в лаборатории доктора физических наук, преподавателя университета, в результате проведенного им эксперимента; потом, после того, как выпили чай или, что кажется более вероятным, настойку валерьяны, уснули, а проснувшись, увидели разгромленную лабораторию и вызвали нас на помощь. Как вы утверждаете, номер, который вы набрали, – это единый номер вызова экстренных служб. Телефон, по которому вы звонили, находился у вас в кармане, поскольку вы используете его вместо часов. Все верно?

– Да, только я не знала, что этот человек... Михаил Петрович, что он доктор наук. – Я кивнула, несколько успокоенная тоном женщины. – Как он? Мне сказали, что он поправится.

– Об этом позже. – Женщина оборвала меня. – Сейчас речь о вас. Вы называли места, города, в которых жили и где живете сейчас, институт и факультет, который закончили. Назвали модель своего телефона, перечислили некоторые хранящиеся в его памяти фотографии и музыку. Записи в нем во многом подтверждают ваши слова, но нам необходимо все перепроверить. Вам придется на некоторое время остаться здесь. Мы предоставим вам комнату со всеми удобствами, одежду, предметы гигиены, при желании – книги и тому подобное.

Общаться будете со мной, Андреем Ивановичем и Светланой. Света, пожалуйста, проводите Нату и посмотрите, чем она сможет пообедать.

* * *

Меня проводили в небольшой «гостиничный номер» в том же подвальном этаже, состоявший из узкого коридорчика-прихожей, крохотной душевой и комнатки примерно три на три метра, разумеется, без окон. Все это на самом деле напоминало одноместный номер в гостинице: кровать у стены, тумбочка, письменный стол с деревянным стулом, небольшое кресло. Мебель казалась мне странной, смутно знакомой. Потом я поняла: она была новой, но очень старомодной, словно из восьмидесятых годов прошлого века.

Светлана открыла шкаф в прихожей, достала оттуда постельное белье, полотенца, халат.

– Простите, Ната, но пока ничего другого предложить не можем. Я сейчас постараюсь подобрать вам что-нибудь из одежды, ну и с обедом разберусь. Не бойтесь, это не больница и не секретная лаборатория. Это просто дежурное помещение для сотрудников, вынужденных заночевать на работе. Устраивайтесь, я скоро вернусь.

Она ушла, а я тупо смотрела на стопку белья на кровати. Потом заставила себя шевелиться, хотя хотелось только сидеть и плакать. Не от жалости к себе, а от непонимания – где я, что произошло, что будет дальше? Все же застелила кровать, снова накрыла ее гобеленовым покрывалом – я такие только в детстве видела. Еще бы коврик с оленями или Красной Шапочкой, о которых слышала от старших, и все, – подумала бы, что провалилась в прошлое. Но компьютеры, увиденные мной и в той разгромленной лаборатории, и здесь, в этой непонятной организации, да и другая техника, которую я успела заметить краем глаза, были очень даже современными.

Застелив постель, заглянула в душевую, осмотрела шкафчик: одноразовые упаковочки мыла, шампуня, пасты, новая зубная щетка, пакетик с одноразовыми бритвами и маленький тюбик крема для бритья, расческа – все рассчитано и на мужчин, и на женщин. Бритвы меня немного успокоили: если бы хозяева этой комнаты думали, что я не в себе, наверняка убрали бы столь опасные предметы.

Еще раз осмотрела комнату, шкаф, в котором обнаружила два комплекта постельного белья, запасные одеяло и подушку. В тумбочке было пусто, в ящике стола лежали стопка бумаги, упаковка простых карандашей, несколько ручек, калькулятор. Снова огляделась. Над кроватью заметила небольшую картинку под прозрачным пластиком, закатанную в жестяную рамочку. Какой-то пейзаж. Кажется, раньше такое называли эстампом. Над столом круглые часы со стрелками, беззвучно передвигающимися по циферблату. Наверное, здесь не хотели раздражать постояльцев так успокаивающим меня тиканьем.

Я вздохнула и села в непривычно жесткое кресло. Удобно – не проваливаешься, и спину держит. Снова накатила безысходность, непонимание происходящего, захотелось сжаться в комок, закрыть глаза, отключиться от всего. Заставила себя разогнуться – и так уже один раз поспала, не дай бог проснусь еще где-нибудь, и все начнется сначала. Взяла бумагу, карандаш, стала рисовать, просто для себя, чтобы успокоиться. Рисовать я особо не умею, но и явных уродств не создаю – так, обычные почеркушки.

– Рада, что вы нашли, чем себя занять. – В дверях, катя перед собой сервировочный столик, появилась Светлана. – Прибыл ваш обед. Не волнуйтесь, все абсолютно безопасно для вас. А это одежда и все необходимое на первое время. Вы простите, но нам нужно ненадолго взять ваши вещи.

Она поставила на кровать большую спортивную сумку, потом выставила на стол миску с каким-то супом, тарелку с котлетой и картофельным пюре, стакан с чаем.

– Приятного аппетита. Не волнуйтесь, у вас пока выявлена только повышенная чувствительность к валерьянке, она действует на вас как сильное снотворное. Во всем остальном все в норме.

Я слушала, не совсем понимая, потом переспросила:

– Как вы могли это узнать?

– Мы же брали у вас анализ крови, – удивилась уже Светлана.

– Но всего часа два назад, и разве он...

– Больше трех, и этого вполне достаточно. – Она говорила очень серьезно. – Видимо, вы не привыкли к такому. Но я говорю правду, и вся наша еда для вас столь же съедобна, как и для нас самих. А наши повара готовят очень вкусно, поверьте.

Я не стала упираться: толку никакого, не с голоду же помирать, – и взялась за ложку. Суп оказался рисовым, с кусочками курицы, и – невероятно! – настоящей, а не той безвкусной «птичьей сои», которую у нас выращивают под видом бройлерных цыплят. Второе тоже напомнило мне детство – раньше так в столовых готовили, и люди еще нос воротили, глупые. Интересно, как у меня мозг переключился: только полчаса назад хотела биться головой о стену, а теперь радуюсь забытому вкусу детства. И чай тот самый, из столовой, да еще и с рассыпчатыми маковыми сушками.

Пока я обедала, Светлана распаковывала сумку:

– Рубашки – две штуки, брюки спортивные из хлопка – две пары, носки хлопковые – две пары, белье – два комплекта, ночнушки – две штуки. Еще нормальная расческа, кое-какая гигиена – нечего казенной пользоваться. Да, еще обувь, вроде это ваш размер. Вы позволите мне посмотреть ваши рисунки?

– Пожалуйста. – Я пожала плечами, ведь скрывать мне было нечего.

– Вам что-нибудь еще нужно? – Светлана собрала со стола тарелки.

Я осмотрелась. Сейчас мне хотелось только одного – отключить мозги. Но сделать это можно по-разному. Можно уснуть... и бояться, что проснешься еще где-нибудь. А можно чем-нибудь занять себя, самое надежное – чтением. Это не мной придумано, об этом ученые говорят: лучший способ успокоиться и прийти в себя – хорошая книга. Я взглянула на Светлану:

– Если возможно, то книги. Что-нибудь не глупое, но и не заумное, веселое, фантастику какую-нибудь, юмористическую или простую, но без особых боев, я даже не знаю... Классику я сейчас точно не осилю, а дамские романы...

Светлана поняла, что я хотела сказать:

– Хорошо, я узнаю.

Она вышла из комнаты, и я снова осталась одна.

Светлана появилась часа через три. За это время я успела вымыться – после сна в той каморке, под грудой тряпья, мне казалось, что все тело в смазке или мазуте, хотя ничего подобного там вроде не было, – переодеться в «казенную» одежду, которая на самом деле была совершенно новой, только из магазина, даже с ценниками, порисовать и думала, думала, думала.

– Простите, что заставила вас ждать.

Светлана вела себя столь же активно, как и днем, хотя наверняка успела переделать много дел. Она снова катила столик, теперь уже с ужином.

– Держите, а вот и вода на ночь, если захотите пить, и печенье. А это книги и проигрыватель с копиями вашей музыки. Телефон мы вам пока вернуть не можем, извините.

Я быстро поужинала, и Светлана ушла, забрав посуду и мою прежнюю одежду. Мне остались музыка, которая сейчас только ухудшила бы и так не радужное настроение, и стопка книг, явно не новых, некоторые же вообще оказались зачитаны до ветхости – видимо, их собирали у работающих здесь людей. Я взяла верхнюю книгу и на время отключилась от всех проблем. Проходные фантастические рассказы стали для меня тем, чем крепкий алкоголь является для

пьяниц, и вынырнула я из книжного забытья в первом часу ночи, да и то лишь для того, чтобы сразу уснуть.

* * *

Меня разбудила Светлана:

– Доброе утро. Уже девятый час, вам пора вставать. Ваш завтрак. Через час с вами будут говорить Марина Алексеевна и Андрей Иванович, поторопитесь.

Разговор вышел длинным, но очень похожим на вчерашний. Меня спрашивали о моем прошлом, снова и снова уточняли детали предыдущего дня, просили рассказать о хранившихся в моем телефоне записях и оставили одну только перед самым обедом, который снова привезла Светлана. Вторую половину дня я читала, успев «проглотить» две книги и начать третью.

На четвертый день такого одиночного заключения ко мне пришли не только уже знакомые Марина Алексеевна и Андрей Иванович, но и подтянутый пожилой мужчина, представившийся Петром Анатольевичем. Он, как я вскоре поняла, и являлся руководителем всей этой организации.

– Здравствуйте, Ната. Вижу, вы не унываете.

Он вежливо кивнул и сел в кресло, остальные заняли кровать, так что мне остался стул. Мужчина же продолжил:

– Прошу простить нас за столь долгую изоляцию вас от мира, но вы сами, надеюсь, понимаете, что это вызвано необходимостью, а не нашей прихотью. Мы перепроверяли ваши слова, да и многое другое. Теперь ситуация стала более понятной, хотя и не очень благоприятной для всех нас. Но и не плохой, уверяю! Ничего катастрофического не произошло, но проблем впереди много. Вы позволите объяснить?

Я кивнула, хотя вопрос был просто данью нормам этикета и от моего мнения ничего не зависело. Петр Анатольевич сел поудобнее, упер руки в колени и стал объяснять:

– Как вы, наверное, уже поняли, вы сейчас находитесь не в своем родном мире. Оказались вы здесь наполовину случайно. Наполовину – потому что эксперимент, насколько мы выяснили, запланировали довольно давно, даже руководство института поставили в известность, но прошлые опыты не давали результатов. Последняя попытка доказать теорию Михаила Петровича удалась, но на линии пересечения пространств оказались вы, нечаянно перешагнув своеобразный «водораздел». Если бы дело заключалось только в этом, мы смогли бы вернуть вас обратно, даже не требовали бы молчания: насколько я понял, в вашем мире эксперименты с пространством не проводятся, и вам бы все равно не поверили. Но беда в том, что, пока вы спали под действием успокоительного, в лабораторию ворвались неизвестные, уничтожили приборы и записи и увезли профессора в неизвестном направлении, а его ассистента тяжело ранили. Он, кстати, о вас ничего не знает – пришел в лабораторию как раз в разгар погрома. Вас нападавшие не заметили, поэтому вы и не пострадали. Михаил Петрович успел спрятать вас в последний момент.

Кое о чем я догадывалась и так, но то, что человек у двери – не Михаил Петрович, – не знала. Классический сюжет фантастики: вон стопка книг, там каждый второй рассказ о подобном же. Петр Анатольевич продолжал:

– Возвращение вас в ваш мир – дело не безнадежное. Нам удалось восстановить некоторые данные из разбитого компьютера, многое было записано от руки в том журнале экспериментов, о котором вы говорили. Профессор – человек старой школы и дублировал все в тетради, которую успел сунуть в одеяла. Мы ищем и самого Михаила Петровича, надеемся, что он жив и здоров: похитителям слишком нужны его знания, чтобы причинить ему вред. Но в любом случае вопрос с возвращением вас в ваш мир будет решаться с привлечением многих специалистов. К сожалению, это дело очень долгое, а вы не можете жить здесь, в этой комнате,

столько времени. Вы ведь получили высшее образование, так? Умеете работать с документами? У нас есть к вам предложение: мы берем вас на работу в архив, помощницей заведующей – она все объяснит, работа там не очень сложная. Через некоторое время предоставим вам служебное жилье, а пока поживете у Светланы и привыкнете к нашему миру. Как вам такое предложение?

Я кивнула не думая: выбора у меня, по сути, не было. Хотя все это казалось очень странным: к ним попадает человек из другого мира, а его не гоняют по исследовательским институтам, не растаскивают на атомы, пытаясь все объяснить, а довольно буднично предлагают работу, даже с жильем.

– Что от меня потребуется? – Я задала вопрос буквально «на автомате».

Петр Анатольевич кивнул:

– Марина Алексеевна, прошу вас.

Женщина стала объяснять:

– Вы будете работать помощницей заведующей архивом, пока на полставки, а когда полностью освоитесь, посмотрим, может, и на полную переведем. Ставки у нас довольно высокие, так что на жизнь вам хватит. О своем происхождении советую не распространяться, хотя никаких обязательств мы на вас в этом не налагаем – это ваше личное решение. Но огласка может вам повредить, предупреждаю. Архив относится к моему отделу, поэтому вашей начальницей буду именно я, конечно, не в вопросах, касающихся работы самого архива. На ближайшие две недели вам предоставлен ознакомительный оплачиваемый период, за это время вы должны будете освоиться в нашем мире, познакомиться со спецификой работы организации, требованиями к сотрудникам. В дальнейшем вы будете обязаны соблюдать эти требования. Также вы не будете иметь права переехать куда-либо по собственному желанию. Выполнение этого условия необходимо в первую очередь вам самой: когда мы восстановим приборы Михаила Петровича, то не хотели бы искать вас, чтобы вернуть домой.

– Вы забыли еще об одном, – напомнил ей Петр Анатольевич.

– Да, простите. Вы должны будете периодически проходить медосмотры и обследования. Вы сами понимаете почему. Это необходимо и вам, и нам. Также иногда нам могут потребоваться рассказы о вашей родине.

– Я все поняла, – кивнула я. – Когда?..

– В конце рабочего дня Светлана зайдет за вами и отвезет к себе. Впереди выходные, за это время вы успеете купить себе одежду – мы обеспечим вас необходимой на первое время суммой.

Я снова кивнула.

* * *

Ехали мы на служебной машине – так решил Петр Анатольевич. Я сидела на заднем сиденье небольшой легковушки и смотрела в окно. Город напоминал тот, в котором я жила, но это сходство касалось лишь центра с его старинными домами и относительно узкими улицами. Но буквально в трех километрах от того здания, в котором располагалась до сих пор непонятная для меня организация (я примерно сообразила, что на ее месте в моем мире), начинались совершенно иные кварталы: новые «башни» от десяти этажей и выше, среди которых терялись немногочисленные старинные дома и пятиэтажки, похоже-непохожие на наши «хрущобы». По улицам ехали вроде бы обычные машины, но тут я не могла быть в чем-то уверенной, потому как в марках автомобилей не разбиралась.

– Какой сейчас месяц? – Я обернулась к сидевшей рядом Светлане, та коротко ответила:

– Двадцать шестое мая две тысячи семнадцатого года.

Вскоре мы въехали во двор и остановились у «свечки» – очень высокой многоэтажки персикового цвета. Я вышла, запрокинула голову.

– Сколько здесь этажей?

– Двадцать пять. – Светлана поднялась на невысокое крыльцо, прижала палец к кнопке-сканеру домофона: – Заходи, нам на пятнадцатый.

Я зашла в небольшой светлый холл с цветами на окне, новенькими лифтами и видневшейся за стеклянной дверью лестницей. Непривычное ощущение, словно в хорошей гостинице, только администратора или консьержа не хватает. Светлана подтолкнула меня к лифту, не дав все «переварить», и мы поехали вверх. Но на нужном этаже все оказалось проще, хотя так же чисто и аккуратно. Дверь нашей квартиры выходила не в холл или видневшийся за ним коридор с коврами дорожками, а на лестничную клетку. Моя хозяйка открыла квартиру обычным с виду ключом, потянула лакированную филенчатую дверь:

– Проходи, сейчас мы тебя устроим. Не удивляйся, квартиры сотрудников в этой части дома – мы не такие уж важные птицы. Хорошо, лифты общие.

Квартира оказалась небольшая, хотя и двухкомнатная, уютная, светлая, но полупустая из-за небольшого количества мебели. Вскоре я поняла, что мебели хватало, просто она была не такой объемной, как у нас, и тоже напоминала гарнитуры семидесятых-восемидесятых годов. Да и моя хозяйка, видимо, не любила загромождать квартиру и возиться с уборкой. В большой комнате стояли узкий книжный шкаф, столь же узкий застекленный бар, выполнявший и роль серванта, диван, кресла и журнальный столик. Только телевизор на стене между шкафом и сервантом, да отсутствие ковров, вроде бы популярных в моем мире в те годы, не вписывались в «старомодную» для меня обстановку. «Но это не советское прошлое!» – одернула я себя, невольно улыбнувшись напольному торшеру с желтым бахромчатым абажуром. Словно в детстве, в гостях у дальней родственницы.

– Ты будешь спать здесь, одежду сложим в шкаф в прихожей. – Хозяйка уже продумала, как и что дальше делать. – Сейчас пойдем готовить ужин. Умеешь?

Я удивилась вопросу, она, увидев мое выражение лица, рассмеялась:

– Прости, многие наши не умеют, в кафе ходят. Времени нет научиться – работы много. У нормальных людей все проще, а у нас вот так. Пойдем.

Кухня, в отличие от непривычно старомодной комнаты, оказалась для меня даже слишком современной: стеклянная варочная панель, программируемая духовка, «умный» холодильник, посудомоечная машина и целый блок из чайника, миксера-блендера, микроволновки и еще чего-то, что я даже опознать не могла, – все именно скомпоновано в одной подставке-столешнице. Я остановилась, не зная, до чего вообще можно дотрагиваться, Светлана рассмеялась и стала быстро выбрасывать пакеты из морозилки:

– Котлеты в микроволновку, пюре туда же, салат на сковородку – пусть обжарится. Включи чайник, там кнопка.

Я проверила, налит ли он (сама частенько забываю, хорошо, еще свою технику не загубила, а тут тем более нужно быть осторожной), потом нашла тарелки, чашки, сервировала небольшой обеденный стол. Светлана обернулась от сковороды:

– Ничего себе! Я думала, так, по-простому, поедим. Держи!

На тарелку плюхнулись картофельное пюре, котлета и две ложки обжаренных овощей, все – полуфабрикаты. Светлана села напротив:

– Вот так! А то в кафе еще идти. Домашнее все равно вкуснее, верно? У нас три дня впереди, научись с техникой управляться. Приятного аппетита!

Еда была неплохая, но то, что мне приносили в «одиночку», явно больше соответствовало домашней кухне, чем этот ужин. Потом моя хозяйка поставила тарелки в посудомойку:

– Все, теперь порядок. Пойдем в комнату, надо план на завтра составить.

Она быстрым, упругим шагом поспешила в зал, не глядя включила телевизор – пульт выглядел почти таким же, к каким привыкла я, – и, достав из нижнего ящика серванта блокнот и ручку, села в кресло.

– Так, тебе нужна одежда, белье, обувь, потом сделать прическу, чтобы на тебя не оглядывались, купить косметику...

– Я ею не пользуюсь, – попыталась протестовать я.

– Не выдумывай! Все женщины ею пользуются, даже я. Завтра суббота, успеем. Вот, смотри. – Она вскочила, достала из книжного шкафа сложенную карту города, развернула ее на столике. – Мы здесь, универмаг здесь, обувной здесь, парикмахеру я сейчас позвоню.

Я смотрела на намеченный маршрут, понимая, что к концу дня меня придется везти в реанимацию: все места находились в разных частях города.

– Простите, Светлана...

– Света, и на «ты». – Она махнула пультом, переключая каналы на работавшем без звука телевизоре.

– Света, я не выдержу такой поездки, да и...

– Тут всего-то десять километров пройти, за целый день. – Она взглянула на меня и опомнилась: – Прости, ты ведь не тренированный человек, я забыла. Это я люблю двигаться. Что-то хотела сказать? Извини.

– Покупать одежду можно, зная, что нужно, а я не имею понятия, что у вас носят. – Я, наконец могла спокойно закончить хотя бы одну фразу.

– Ты права. Сейчас! – Она снова вскочила, достала из того же нижнего ящика серванта стопку журналов. – Вот, давай выбирать.

Такие моды я не застала, ну или ребенком, так что даже не помнила, только в фильмах видела. Рубашки и пиджаки с широкими плечами, юбки с воланами, брюки, предназначенные для узкобедрых и длинноногих женщин. А еще яркая, крупная пластиковая бижутерия, прически с начесом, блестящая косметика, особенно синие и фиолетовые тени, темно-вишневая помада. Я листала журналы, все больше теряясь: у меня фигура прямо противоположных пропорций, с узкими плечами и совсем не мальчишескими бедрами. О прическе и косметике пока постаралась не думать. Все же выбрала кое-какие вещи, на которые хотела ориентироваться. Светлана посмотрела мой выбор.

– Тогда едем вот сюда, здесь подберем сразу все. Сколько сейчас? Девять почти, «Время» сейчас начнется, я включу звук?

Комнату заполнила давно забытая мелодия Свиридова, на экране плоского большого телевизора замелькала древняя заставка. Я уже ожидала, что и дикторы будут те самые, сидящие в пустой серой студии, но нет: вполне современный интерьер, молодые ведущие, только с очень четкой, старомодной для моей родины, дикцией, когда слышно каждое не слово даже, а звук, каждую интонацию. Я, на минуту прибалдев от такого удовольствия – четкая, ясная речь вместо привычной «каши во рту» неграмотных телеведущих, – стала вслушиваться, но мало что понимала. Названия городов звучали знакомо, но зачастую непохоже на те, к каким привыкла я, события же вообще казались непонятными. Какой-то СГМ, решавший международные вопросы и дипломатический спор между Россией и США (хоть это было таким же, как у нас), какие-то фирмы и компании, разрабатывавшие новые технологии, но какие? Совершенно неизвестные мне популярные кинокомпании Нью-Йорка, скандал с певцом, показ мод, новая экспедиция на станцию «Мир». Последнее меня приятно удивило: значит, работает еще, хотя бы здесь. Это были первые впечатления от местных новостей, и я мало что поняла из услышанного, а спросить не удалось, потому что сразу после передачи Светлана выключила телевизор:

– Завтра вставать рано, надо спать.

Я согласно кивнула: все же в гостях, причем именно нежданная гостя, надо уважать хозяйку.

* * *

Пробуждение было в начале седьмого!

– Подъем!

Я открыла глаза. Света стояла рядом с диваном, бодрая и свежая после душа:

– У нас много дел. Пока позавтракаем, пока подберем тебе что-нибудь на первые часы, уже и магазины откроются.

Я со вздохом встала. Не люблю ранние подъемы и такую вот бурную деятельность с утра. Я не «сова», но уж точно и не «жаворонок», а Света оказалась не просто «жаворонком», но еще и сверхактивным человеком, даже профессия врача не помогала ей понять, что люди бывают разные. Болезнь – плохо. Но темперамент, свои ритмы жизни – это выдумки! Встань пораньше, сделай пробежку, и все, – что еще нужно для счастья?

На завтрак Света приготовила яичницу и растворимый кофе, причем из жестяной банки, опять же напомнившей мне раннее-раннее детство: из такой жестянки у меня была сделана копилка. Я с трудом проглотила и яичницу, и горький, слишком крепкий для меня кофе, и послушно пошла в комнату Светы, где она уже распахнула платяной шкаф, перерывая свою одежду.

– Так, это не пойдет, это тоже, а вот это примерь. Хотя погоди, сначала давай с обувью разберемся, я забыла. В магазин можно и в этих брюках ехать, но не босиком.

С обувью вышло сложно: у меня нога оказалась меньше, чем у нее, но шире, так что единственное, что подошло, – новые, купленные «на всякий случай», дешевые полукеды, и то мои ступни в них болтались, как в лаптях, только шнуровка не давала обуви слетать.

– Десятый час, поехали! – Света быстро переоделась, выбрав вместо привычного брючного костюма легкий летний комплект из юбки и белой блузки с небольшим жабо, взяла косметичку: – Ты точно не будешь краситься?

– Точно! – Я не могла себе представить, как можно нанести на лицо жирные сиреневые тени. Но ей они, как ни удивительно, шли, как и яркая помада. Я же надела рубашку и брюки, выданные мне еще в первый день.

Света пожалела меня – не мои силы, а чувство собственного достоинства, – и взяла такси: «Нечего тебе на люди в этих тряпках появляться», так что до магазина, точнее большого универмага, мы добрались быстро. Универмаг только открылся, людей в нем почти не было, и отдел женской одежды казался совершенно вымершим, поэтому продавщицы очень обрадовались не просто зашедшим сюда от нечего делать, а готовым купить очень многое и сразу посетительницам. Через полчаса примерок я прокляла все, но терпела, потому что одежда требовалась позарез, причем вся. Промаявшись несколько часов, я все же обзавелась кое-какой повседневной одеждой «парадно-выходного» и домашнего назначения, плюс, по совету Светланы, купила два строгих брючных костюма – для работы в той самой непонятной организации.

– Все, на первое время у тебя все есть.

Она улыбнулась, таща несколько объемных пакетов к кассе: в отличие от наших «бутиков», отдел женской одежды был одним магазином с целым рядом касс на выходе. И не совсем привычных для меня касс: ни наличности, ни банковских карт не требовалось, да и выгружать все из уже заклеенных пакетов не требовалось. На каждом пакете имелся свой код-чек, считывавшийся рамкой перед кассой, а покупателю оставалось только ввести в сенсорное окошко терминала код – сенсор считывал одновременно и его, и отпечаток пальца. Света вздохнула, введя свой код:

– Будешь должна, дома посчитаем. Теперь все в камеру хранения, а сами – за обувь.

Я лишь кивнула, потому что, пока она вводила код, я держала пакеты зубами – руки были уже заняты. Скинув все в большую ячейку камеры хранения, пошли в обувной отдел, где провели в разы меньше времени – пяти пар обуви мне хватило бы до самой зимы.

– Пошли в кафе, потом к парикмахеру. – Света была все так же бодрa, как и утром, я же взбунтовалась:

– Против кафе ничего не имею, но потом лучше домой, я уже с ног валюсь.

– Хорошо. – Она, кажется, вспомнила, что я вообще-то не просто новая коллега и соседка, а человек, совершенно не знающий, где оказался, а значит, «есть вероятность нервного срыва» – это она обо мне так в отчете написала, я потом прочитала.

Домой мы ехали опять же на такси, потому что в троллейбус с таким количеством покупок не утрамбовались бы.

* * *

Вернувшись домой, просмотрели все покупки, чтобы определить, что я могу носить в обычные дни, а потом Светлана все же заставила себя сесть и немного объяснить мне, что и как.

– Историю я тебе не расскажу, сразу говорю. И не умею, и долго это. Попрошу у ребят справочник, прочитаешь. Важнее сейчас разобраться в современности. Как я поняла, ты удивляешься, что к тебе относятся так спокойно? Все просто: подобные случаи у нас уже были. Не совсем такие, но были. И наша контора занимается в том числе и этими случаями. Официально мы научное учреждение, но вообще-то затрагиваем и вопросы безопасности, что, как ты понимаешь, всегда актуально. Наша контора – подразделение головной организации в Москве и сама состоит из нескольких отделов: научного, с несколькими подотделами, к примеру физики, биологи, медики, аналитики; технического, в котором разрабатывают и доводят до ума технику; отдела быстрого реагирования; обслуживающего – водители, ремонтники, повара и все такое. Финансирование вполне на уровне, каждого сотрудника ценят и уважают.

Она ненадолго замолкла, обдумывая, что говорить дальше, потом продолжила:

– Теперь о ситуации с тобой. Первое: твой телефон оказался спроектирован для тех частот, на которых работают наши рации, а набранный тобой номер – это код научного отдела, с которым, как ты понимаешь, посторонние связаться не могут. Второе: то, что ты жила в той комнате, не столько проверкой твоих слов объясняется, сколько тем, что тебе могло стать плохо.

– Ну и карантин, – хмыкнула я, уже поняв, что толковых объяснений от Светланы не дождусь: она больше привыкла действовать, чем говорить.

– Верно. – Света рассмеялась. – В общем, следовало подстраховаться, чтобы ты не пропала. А так ты немного освоилась и теперь можешь все адекватно воспринимать. Ну и кое-какие медицинские вопросы прояснили, с той же валерьянкой, к примеру. Пока у тебя нет противопоказаний ни к каким продуктам и лекарствам, но с валерьянкой лучше не связывайся: она действует на тебя как сильное снотворное – из-за небольшой разницы в генах ты к нашей ее версии слишком восприимчива. Со всем остальным все в норме: группа крови, резус-фактор, основные особенности обмена веществ. Группу я тебе потом напишу, у нас обозначение может отличаться, именно название, а не фактические данные. Ты понимаешь мои объяснения?

– Отлично понимаю, учила в школе. – Я поморщилась, потому что, пропустив наиболее важные вопросы как «несущественные», Светлана теперь «разжевывала» мне всем известные истины.

– Хорошо. Вроде все объяснила. Сейчас пойдем готовить ужин, как раз обсудим, что делать завтра. Ты как-то странно смотришь на нашу одежду, и тем более на косметику.

Готовили мы опять из полуфабрикатов, теперь уже рыбное филе и рис с овощами. Светлана ела с удовольствием, снова назвав это «настоящей домашней едой».

– Жаль, запасы продуктов кончаются, да и работы после праздников прибавится: наши из командировки возвращаются. – Она, даже не обращая внимания, что жует, разгрызла рыбный позвонок, причем не мягкий и разваренный, как в консервах, а довольно твердый. – Придется в кафе питаться, пока не разберусь с текучкой.

Я посмотрела на свою тарелку и задумалась. Дома я тоже часто готовила замороженные овощи, но они являлись только основой, и готовое блюдо обычно совсем не походило на то, что задумывалось его производителями. Ну или хотя бы зажарку делала, соус какой.

– Света, я ведь у тебя еще довольно долго буду жить? И ближайшие две недели мне даны для привыкания, так?

– Да, а что?

– Получится, что я все равно много времени буду проводить дома, так почему бы мне не взять на себя закупку продуктов и готовку?

– Хорошо придумала! – Она рассмеялась. – Тогда завтра, после парикмахера, покажу тебе магазины.

– А к парикмахеру обязательно? – Я не могла понять ее настойчивости в этом вопросе.

– Конечно! Поела? Пойдем, объяснишь, что тебе у нас не нравится, я понять не могу.

Мы перебрались в комнату, и мне пришлось рассказать, что такие моды были у нас десятки лет назад.

– Не спорю, мебель мне нравится: она удобная и больше подходит для таких небольших квартир. С одеждой – не могу понять: что-то нравится, что-то – нет. У меня фигура не модная и на родине, а тут – тем более. Мне мало что идет. А косметика... – Я замялась. – У нас так сейчас только на маскарад и красятся. Да и прически...

– Это просто с непривычки! – Она не обиделась, а снова рассмеялась. – Мода – вещь такая, к ней привыкнуть нужно. Значит, решено: завтра утром прогулка к парикмахеру, как раз часок пешей ходьбы. Потом заскочим в парфюмерный, купим тебе хоть немного косметики и приличные духи, там как раз новая серия «Северного сияния» появилась.

– У вас эта фирма есть? – Удивилась я. – У нас ее давно переименовали, и духи не делают, мне о них мама рассказывала.

– Не фирма, а фабрика! – Поправила она меня очень серьезно. – Фирмы у нас частные, небольшие, а это государственное акционерное общество, но по сути та же фабрика, что и раньше. И духи там великолепные.

– А «Уральские самоцветы» у вас есть? – Вспомнила я еще одно название из детства.

– Конечно! У вас они тоже есть?

– Были, теперь все развалилось.

– Расскажешь потом нашим аналитикам. Но давай о завтрашнем дне. Сходим к парикмахеру, затем за косметикой, а потом я покажу тебе ближайшие магазины и объясню, как что покупать. Код ты должна знать очень хорошо! Без него ничего не купить.

– У нас тоже на картах код есть. – Я вспомнила свою пластиковую карту и мороку с ее обменом как раз за полгода до этого.

– Ну вот, тогда знаешь. Сейчас вот, держи, это твой конверт с кодом. Это твой паспорт, ну и телефон – он привязан к твоим отпечаткам пальцев. Как раз посмотрим, сколько ты мне за сегодняшние покупки должна, и рассчитаемся.

Через десять минут я разобралась хотя бы с тем, как включать телефон, отвечать на звонки и проверять счет, на который мне перечислили деньги. Тысяча рублей, из которых я перевела Светлане немногим больше шестисот – столько стоили мои покупки. Другие у них цены, однако. Светлана посмотрела, покачала головой:

– Я выясню, что к чему, но должно быть больше. Это не благотворительность, а оплата за твое сотрудничество с нашими учеными: ну, твой рассказ о себе, разрешение на взятие анализов. Во вторник я посмотрю расценки. Все, давай спать, я даже до новостей уже не досижу!

* * *

Света, как и обещала, подняла меня рано утром, заставив съесть два больших горячих бутерброда (ветчина оказалась очень вкусной, но лучше было бы полакомиться ею ближе к полудню, а не в семь утра), и потащила к парикмахеру. Часы показывали только начало девятого, воскресенье, но моя хозяйка оказалась непреклонна:

– Пока доберемся, как раз время подойдет.

Утро выдалось прекрасным, тихим, прохладным и солнечным, но вот прогулка со Светой – совсем не такое большое удовольствие. Она не гуляла, она целенаправленно двигалась, не обращая внимания на окружающее, и наслаждаясь именно возможностью двигаться. Ну и обсуждая планы.

– Потом заглянем вот сюда, тут хорошие заморозки овощные... Ага, а вон там мясной отдел – всегда отличные котлеты и фрикадельки. Сюда заглядывать смысла нет: замучаешься из необработанного мяса готовить, да и овощи пока выберешь. Как насчет того, чтобы завтра на пикник съездить? В городе толкаться не хочу – шумно будет. А за городом у нас есть место, мы своей компанией соберемся. Одежду я дам.

Я только кивала, понимая, что отказываться бессмысленно. На пикник – так на пикник.

Парикмахером оказалась женщина лет пятидесяти, по случаю воскресенья согласившаяся принять нас дома. Вскоре я поняла, что Света знакома с ней еще со школы, поэтому как постоянная клиентка пользуется дополнительными правами. Женщина усадила меня в кресло, посмотрела мои темные легкие волосы и обернулась к Свете:

– Она права, кроме каре никакая другая прическа ей не пойдет. Нужно только немного подравнять, а то волосы уже отросли. Ната, вы согласны?

Через двадцать минут я, освободившись, смотрела журналы, а парикмахер колдовала над головой Светланы, обсуждая с ней какие-то известные им обоим дела общих знакомых. Еще через сорок минут Света, с почти не изменившейся прической, встала из кресла.

– Спасибо! Удачи! Через месяц увидимся. Ната, пойдем, нам по пути в парфюмерный надо.

Магазин оказался «по пути» километрах в двух от парикмахера, в противоположную от дома сторону. Небольшой, в том же самом старомодном стиле, к которому я уже начала привыкать, и с огромным ассортиментом русской косметики и духов! Такого я точно не ожидала.

– Выбирай! – Светлана профессионально зарылась в коробочки, тюбики, баночки и все остальное.

Я же смотрела вокруг, чувствуя себя клоуном-новобранцем. Выбирать из этого? Жирные тени, румяна, невероятно яркие помады – это точно был театральный грим. У мамы в старой косметичке, распотрошенной мной в раннем дошкольном возрасте, такого не было, точно помню. Все же попыталась что-то подобрать и с удивлением обнаружила небольшие баночки с почти бесцветным нежно-розовым блеском для губ, еще что-то подобное. Отложила, прикинув, что на год мне точно хватит, и пошла смотреть духи. А вот с ними все вышло совершенно иначе! На моей родине духов теперь не продают, только всякие парфюмерные и туалетные воды, относящиеся к духам как вода к водке. А тут стояли крохотные флакончики с густой маслянистой жидкостью, которая пахла так, что, наверное, и за месяц не выветрится. Не сильные, но очень стойкие ароматы, и в основном приятные, хотя подчас слишком резкие – для женщин в возрасте. Вспомнив мамины рассказы, взяла крохотный флакончик фабрики «Северное сияние» – с холодным, легким ароматом весенних цветов.

– Подобрала? Ты что, эту дешевку взяла? Это же детское!

Светлана смотрела на блеск для губ как на выдаваемый за бриллиант кусок стекла. Я, улыбнувшись, подошла к стоявшему на прилавке зеркалу и, благо что уже заплатила за все,

слегка тронула губы этим блеском, едва касаясь кожи, провела коричневым карандашом по бровям. Обернулась к Свете.

– Ничего себе! И не изменилась совсем, и сразу видно, что косметикой пользуешься. Согласна, пойдет! Идем за продуктами! – Она быстрым шагом направилась к выходу из магазина.

– Света, стой! – Я еле ее догнала. – Давай на автобусе доедем?

– Но тут всего три километра... Хорошо, поехали! – Все же согласилась она, наверное поняв, что я стану ее тормозить, – угнаться за ней было невозможно.

Но проехали мы не так уж и много, потому что Света решила показать мне все ближайшие продуктовые магазины, кулинарии и кафе. Знаете, мне тогда очень забавно было видеть витрины, оформленные «пирамидами» из банок, муляжами овощей и фруктов, а потом, в самом магазине, расплачиваться, просто набирая код на экранчике кассы. И весы были электронные, удобнее, чем наши, и табло на ручках тележек – на какую сумму набрали товара. Я тогда впервые подумала, что мир, в который я попала, взял только лучшее. Ну, мне тогда так показалось, и даже смешная косметика не помешала прийти к такому выводу.

– Ну что, идем в кафе? – Света запихнула в большую морозилку купленные эскалопы и пельмени. – Этого на неделю хватит, но сейчас с готовкой возиться не хочу. Пойдем!

Я поплелась следом, радуясь, что надела джинсы и полукеды. А она шла в легком платье и туфлях-лодочках на каблук, но, казалось, совсем не чувствовала, что уже пять часов на ногах. Она вообще человек? Не удивлюсь, если здесь каких-нибудь андроидов или киборгов придумали. Ой, мои ноги!

В кафе Светлана заказала нам обоим борщ, но со вторым я настояла на собственном выборе и ела не котлеты с салатом (она, кажется, эти котлеты могла есть на завтрак, обед и ужин), а гречку с бефстрогановом. Ну хоть наелась – вкусно все оказалось. А к чаю были «школьные» пирожные. Мне не понравились.

Вечером начались сборы на пикник, заключающиеся в выуживании с антресолей спортивных костюмов, сумки, каких-то старых покрывал, ну и подготовке «тормозка», состоявшего из хлеба, колбасы, овощей на салат (в этот раз – свежих), да и все, наверное. Мне это показалось несколько маловато, поэтому я, хотя уже еле стояла на ногах от усталости, предложила сходить в магазин, докупить продуктов. Светлана отмахнулась:

– Зачем? Все нормально.

Я все же пошла, объяснив «прогулку» тем, что «надо привыкать к местной жизни». Благо, магазин находился недалеко, работал до восьми вечера и отличался вполне приличным ассортиментом. Вернулась нагруженная печеньем, сыром, как твердым, так и плавленным, в баночках – на бутерброды хорошо мазать, надеюсь, – ну и разной «мелочью» вроде шпрот, конфет и крохотной пачечки легендарного на моей родине чая «со слоном». У меня не пропадало ощущение: «Я – Алиса Селезнева», но вот в какую сторону? Из будущего в прошлое, или наоборот? Пока шла, обратила внимание, что все бордюры покрашены светящейся краской, как и «зебры» на пешеходных переходах, а свет в холле, еле горевший, как показалось мне с улицы, плавно зажегся, когда я вошла в дом, и столь же плавно потух, стоило мне зайти в лифт.

– Прогулялась? – Света уже вымылась и собиралась ложиться спать. – Зачем все это купила? Обратно ведь тащить придется. Ну как знаешь!

Я уложила продукты и тоже свалилась спать, мечтая о послезавтрашнем дне, когда моя хозяйка уедет на работу.

* * *

– Подъем! – Светлана была бодра и свежа, как горная речка. – Завтракать! Уже все приготовила.

Ага, приготовила, яйца вкрутую и по куску хлеба на нос, ну еще чай.

– Ешь, сейчас за нами заедут. – Она быстро, но старательно дожевывала третье яйцо, пока я боролась с вторым: не люблю яйца вкрутую, тем более на завтрак.

Когда я допивала чай, заставляя себя забыть вкус переваренного желтка, в дверь позвонили: такая мелодичная трель, наверное, какая-то песня, но совсем мне незнакомая. Света вскочила, кинулась к двери, и из прихожей вскоре раздался веселый мужской голос:

– Привет, Фотончик! Собрана?

– Доброе утро, Поп! Обе готовы, держи сумки.

– Обе? Ах да, твоя гостья. Спускайтесь, едем!

– Ната!

– Иду! – Я все же успела ополоснуть чашки и выбежала из квартиры.

Внизу нас ждал УАЗ-«буханка», но не ветхий и раздолбанный, какие еще колесят в моем мире, а новый, явно современной модели, только что внешний вид прежним оставили. В салоне оказались очень удобные кресла, мини-холодильник, ну а приборная панель свидетельствовала об очень хорошей электронике вроде «бортового компьютера» – это, кажется, так называется?

– Сели? Тогда едем!

За рулем сидел худой рыжеватый парень, рядом с ним, на пассажирском месте, – крепкий, спортивного вида спутник с короткими темными волосами, а в салоне – девушка, не очень высокая, круглолицая и кудрявая.

– Фотончик! Привет! Рада, что ты наконец выбралась. Жаль, остальные в командировке. А это твоя гостья?

– Привет, Кью! Это Ната. Ната, это Кудряшка, или Кью, если коротко. Не удивляйся, мы привыкли к прозвищам, так удобнее.

Я сидела у окна, слушая совершенно непонятный мне разговор, и смотрела на проплывавший мимо пейзаж, очень похожий на тот, из моего мира: холмы, поля, лесополосы, деревни. Только что дороги лучше, лесополосы ухоженнее, деревни богаче. Не в том смысле, что особняки, а в том, что не виднелось ветхих или заброшенных домов, все выглядело обжитым, обихоженым, чистым. И еще одно отличие: то и дело за деревьями мелькали белые здания ферм, небольших школ, а то и силосные башни и элеваторы, а на зеленых лугах виднелись пестрые стада коров. Как-то странно все будто и не в России. И верно, это – не *моя* Россия. А жаль.

– Приехали! – Водитель остановил машину на опушке соснового бора. – Выгружаемся!

Вскоре на молодой травке уже были расстелены покрывала, на вытащенном из-за сидений «уазика» листе фанеры высились груды продуктов – кто что взял, – а оба парня возились с костром.

– Фо, ты наконец доросла до того, чтобы продукты покупать? – обернулся к Свете парень лет тридцати на вид, сидевший до этого рядом с водителем. – Даже шпроты взяла!

– Это не я, а Ната. – Света лежала на покрывале, жмурясь от утреннего солнца. – Теперь придется обратно тащить.

– Ната?

Парни и Кью переглянулись, девушка кивнула мне:

– Идем бутерброды делать, пока они тут огонь добывают. Хорошо еще, не трением.

– Не ворчи, – обернулся к ней тот, кто вел машину, – а познакомь нас. Фотон, как обычно, считает, что свои обязанности выполнила.

Кью потянула меня к парням.

– Поп, – улыбнулся темноволосый. – Вообще-то Василий, но зови Попом.

– Почему?

– Потому что Попов, – объяснил его спутник. – А я – Лот, муж этой вот кудрявицы.

– Лот? – Я удивилась: парень был немногим выше меня, и на морской лот ну никак не походил, на ветхозаветного же «праведника» – тем более, хотя бы потому, что был молод, весел и, кажется, при случае за словом в карман не лез.

– Это от «Ланселота», – расхохотался он, глядя на мое лицо, – люблю обувь этой фирмы, вот и привязалось, но уж больно длинно и пафосно, а «Ланс» – глупо как-то звучит, на мой взгляд. Так что оставили только «Лот». Фотон, ты хлеб жареный будешь? Тогда иди ветки на шампуры резать.

– Иду! – Света вскочила, полезла в свою сумку.

Я уточнила:

– Почему Фотон?

– Потому что не остановишь, – улыбнулся Лот.

– Не выдумывай! – Она достала перочинный нож. – Потому что нельзя бабкам доверять получение свидетельства о рождении. Сказали моей: «Светлана», а она в загсе вместо этого «Фотинья» выдала. Мол, по святцам так правильно. Как исполнилось шестнадцать, сразу имя поменяла! А толку? Все равно Фо приклеилось.

– А тебя как полностью зовут? – обернулась ко мне Кью.

– Натаниэлла, – вздохнула я. – Бабушка настояла.

– Еще одна жертва старшего поколения, – рассмеялась Света-Фотон и ушла срезать тальник для шампуров.

Вскоре мы уже ели обжаренный на прутьях хлеб, поджаренную ветчину, пили заваренный в котелке чай и болтали. Лота на самом деле звали Лешкой, его жену Кью – Катей, но они на свои официальные имена не очень реагировали: «Так к нам начальство обращается или родственники, когда им что-то нужно».

День прошел весело, но бестолково, и я так и не поняла, что это за государственный праздник в конце мая? Да и вообще о стране они не говорили, а травили байки о себе и общих знакомых. Кроме болтовни мы обшарили бор, наткнулись на сонного ужа, которого «случайно» подсунили мне (я, вместо того чтобы верещать, вздохнула и осторожно отнесла его с тропинки – чтобы не затоптал никто), поспорили о лечебных свойствах сосновой хвои и смолы, а потом и о гастрономических – сосновой коры. В результате меня заставили показать, как именно есть эту самую кору. Я с удовольствием показала, потому что давно уже не лакомилась этим внутренним тонким нежным слоем, немного похожим по виду на желе. Они не поверили, попробовали сами, и признали, что «это вполне съедобно, хотя вишневая смолка лучше».

Потом они четверо гоняли мяч, играя во что-то вроде волейбола, а я делала вид, что «болею» за Фо, хотя на самом деле хотела, чтобы выиграл Лот: задиристый парень был самым заметным из этой четверки. Потом все устали, проголодались и съели все запасы продуктов, так что не то что обратно что-то везти – даже мало оказалось!

– Ната, ты же теперь в нашей конторе будешь? – Поп подбирал куском хлеба масло из банки от шпрот. – Тогда принимаем в свою компанию. Каптенармусом.

– Посмотрим. – Я пила ароматный чай со свежими малиновыми листочками и не верила, что только несколько дней назад смотрела на тоскливый недозимный пейзаж за окном.

– Верно, спешить некуда, – вздохнул Поп, но Фотон, что-то читавшая в своем телефоне, подскочила:

– Вот как раз есть куда. Наши из командировки возвращаются, мне в ночь на работу.

– Собираемся!

Лот с Кью тоже подхватились, Поп вздохнул еще раз и медленно встал, всем своим видом говоря: «Так хорошо сидели», но потом, столь же неторопливо двигаясь, в две минуты собрал весь мусор, сложил покрывала, поставил за кресла фанеру-«дастархан», а потом еще ждал, пока мы запихнем в сумки всякую мелочевку. Под конец он, выудив из травы перочинный нож, демонстративно сунул его Фо в карман штанов, шлепнув ее по «пятой точке»:

– Не бросай оружие!

– Ай! – Она, ловко увернувшись от второго шлепка, сделала подсечку, он подпрыгнул, как-то незаметно зашел ей за спину и, обхватив за талию, потянул к машине.

– Поп, хватит! – Она смеялась и дергалась.

– На работе некоторые сегодня должны быть отдохнувшими! – Он подождал, пока мы с Кью устроимся на своих местах, и запрыгнул в машину. – Поехали!

Возвращались мы по другой дороге, как объяснил Лот, чтобы объехать пробки в центре города, но все равно добрались до дома только через два часа.

– Чего это наши в праздник в дорогу собрались? – проворчал Поп.

– Не наши, а руководство Кубанского отделения, там посчитали, что билеты на сегодня дешевле выйдут. – Света была все так же бодрa, но уже несколько отрешенно-собранный, думая о предстоящей работе. – Лот, ты можешь заехать за нами в девять вечера? Они сюда с вокзала пехом дойдут, а вот в контору...

– Попробую. – Он взглянул на табло часов перед рулем. – Сейчас пять, до дома минут за сорок доберемся, а к вам уже часа полтора ехать придется – все на салют вылезут смотреть. Хоть переодеться и поужинать успею.

– Фотон, ты моего мужа эксплуатируешь! – наигранно рассердилась Кью.

– Не я. Наших в конторе ждали завтра, сейчас там только дежурные, не их же дергать. А медосмотр отменить нельзя.

– Ладно вам бодаться, выгружайтесь. – Поп выпрыгнул из машины, подхватил сразу две сумки, а потом, чуть шутливо, и меня. Я дернулась, и он сразу поставил меня на землю:

– Прости, неудачная шутка. Хотя я тебя уже носил, в той лаборатории. Не узнала?

Я удивленно уставилась на него:

– Нет. Я тогда ничего толком не запомнила.

– Главное ты запомнила. Пошли, скоро наши приедут. – Он открыл дверь подъезда. – Лот, Кью, до завтра!

Мы только успели ополоснуться, я, пока Фо мылась и переодевалась, поставила воду на макароны, как в дверь позвонили. Света кинулась открывать:

– Хаук, привет! Пол, Сол, входите. А Лаки где?

– Завтра приедет, – раздался усталый веселый голос.

– И как это называется? – Фотон возмущилась. – Мне с ним отдельно работать?

– Чего ты за него тревожишься? Влюбилась, что ли?

– Да, влюбилась! В гору отчетов и несколько суток работы! Сейчас в кафе, а потом за нами Лот приедет.

– Никакого кафе! – Я, осмелев за этот день, выглянула из кухни. – Вода закипела, через десять минут у вас будут макароны с сосисками и луковой зажаркой.

– Здравствуйте... – Все три парня, как раз собиравшиеся выйти из прихожей и немного застрявшие в дверях, растерялись. Фо – тоже, но все же сообразила:

– Это Ната, она... после того эксперимента пока гостит у меня. А это Хаук, Пол и Сол. Ты серьезно про макароны?

– Абсолютно!

Мне можно было не отвечать, потому что на сковородке громко зашкворчало сливочное масло. Я кинулась на кухню, куда вскоре подтянулись вновь прибывшие. Пока я готовила, они представились более нормально, сразу объясняя свои прозвища.

– Хаук. – Высокий, круглолицый, рыжий и чуть кудрявый парень протянул широкую ладонь. – Саша Ястребицкий.

– Пол. – Его спутник, худой и чернявый, плюхнулся на стул у окна. – Дима Поленов.

– Сол. – Полноватый и довольно рыхлый белобрысый парень сел у входа. – Ваня Солнцев.

– Как съездили? – Фо стояла в дверях, опираясь спиной о косяк. – При Нате можете говорить, она принята на работу.

– Обычно съездили. – Хаук сидел вроде как во главе стола. – Результатов много, но все проходные, крутить можно и так, и сяк. Лаки уверен, что они разрабатывают новую установку, но где ее соберут и каков будет результат – неизвестно. Остался там на день, чтобы перепроверить данные их датчиков. Но там все обычно, уверяю.

– Да кто спорит? – пожал плечами Пол. – Все ведь перепроверили – тихо. Просто ты знаешь Лаки.

Я, слушая их разговор, все же следила за плитой, и теперь поставила перед всеми по тарелке:

– Держите. Помидоры порежьте только, я не успела.

– Давай нож. – Хаук встал, потянулся за разделочной доской, и я поняла, что он намного выше, чем кажется. Парень быстро накрошил помидоры, сыпал в миску. – Сама садись ужинать; парни, двигайтесь!

Я села в освобожденный для меня уголок, взяла вилку и с удивлением замерла, глядя, как трое парней расправляются с ужином. Надо было готовить раза в три больше, они же голодные как волки.

– Спасибо, Нат, чай не нужно. Фо, прости, но пора работать.

Света вскочила как заведенная:

– У меня все готово, сейчас только Нате все объясню. В общем, так. Как пользоваться домофоном, ты знаешь, телефон под рукой, кухню освоила, магазины я тебе показала. Если кто из соседей будет спрашивать, кто ты, – скажешь, что гостишь у меня, и все. Кому надо и так о тебе знают, остальным это незачем. Мне никто звонить не может. Телевизоры в твоём распоряжении. Вернусь завтра вечером, точно не могу сказать, но не раньше шести. Не скучай! О, Лот приехал.

Они выбежали из квартиры, и я осталась одна. Вдохнула, радуясь возможности просто свалиться и отдохнуть, и... взялась убирать на кухне. Света, как я уже поняла, не очень любила тратить время на домашние дела, но решила эту проблему не отказом от оных, а оптимизацией: на кухне не виднелось никаких безделушек, красивых и редко используемых чашек-блюдечек, мебель спроектирована так, чтобы под ней не требовалось убирать, полки были закрыты от жира и копоти, незаметно накапливающихся в любой кухне. Пол из хорошего линолеума не впитывал грязь и в то же время не грозил превращением упавшей тарелки в фейерверк осколков. На кухне явно убирали не очень часто, но больше и не требовалось, особенно учитывая, как хозяйка готовит. А, кстати, как? Надо посмотреть, какие у нее запасы, а то она ведь завтра голодная придет.

В шкафчике обнаружили коробки с крупами, в холодильнике – только полуфабрикаты. Негусто. Я, подумав, составила список необходимого, потому что готовые котлеты уже стояли мне поперек горла, а супа в этой квартире, кажется, совсем не варили, просто из-за отсутствия времени и наличия хорошей столовой на работе. Но, судя по поведению ее коллег-друзей, на кухне они бывают часто, и не только чай пьют, но и готовят сами – вон Хаук доску не глядя взял. Так что готовить мне желательно с запасом.

Составив список, я все же доползла до своего дивана и пообещала себе спать до девяти утра! Жаль, позже встать нельзя, а то не успею сделать все, что запланировала.

* * *

На завтрак у меня был кофе с сушками, и я была на седьмом небе от блаженства. Позавтракав, собралась в магазин, осмелившись надеть легкое платье и босоножки. И пошла за продуктами. В забракованном позавчера Фотончиком магазине я купила вполне приличные говя-

жьи косточки, молодой картофель и великолепные шампиньоны, так что часам к двум дня на плите доходил гречневый суп с грибами. Картошку я решила просто отварить, а к ней достала мороженые эскалопы, гадая, делать ли запас на неожиданных гостей или нет, но решила, что после суток работы Фо придет усталая и вряд ли станет устраивать посиделки, поэтому готовить лучше только на нас.

Пока возилась на кухне, немного послушала новости, благо там тоже стоял небольшой телевизор. Но толком ничего понять не смогла, лишь то, что вчерашний праздник был Днем Воссоединения. И что это значит? Новости здесь, в отличие от моей родины, показывали всего раза три за день, политических программ и ток-шоу не было, а каналов оказалось всего два, хотя, судя по пульта, остальные Света просто отключила. Я ее поняла: дома у меня тоже телевизор по полгода не включается, видать, и она в этом мне – родственная душа. Но телевизор все же не выключила: пусть болтает, может, что-нибудь полезное узнаю.

В два часа начались местные новости, и я поняла, что этот мир не такой уж и благодатный, каким мне казался. Передавали срочное сообщение о произошедшем всего полчаса назад взрыве в подземном переходе. Верно, слышался какой-то хлопок, но я, привыкшая к петардам и хлопкам автомобилей в моем мире, не обратила на него внимания. Никто при взрыве, к счастью, не погиб, но людей из перехода эвакуировали оказавшиеся рядом прохожие, некоторые из пострадавших оказались серьезно ранены, и их отправили в реанимацию. Я думала, что дальше пойдет хоть какое-то объяснение причин, но в новостях сказали только, что, по непроверенным сведениям, взрыв мог являться попыткой убрать кого-то из противников «исконников». Я ничего не поняла и пошла выносить мусор: мусоропровод находился, как обычно, на пол-этажа ниже квартиры, а накопившиеся еще с вечера очистки начали подвигаться.

Выкинув мусор, уже собиралась вернуться в квартиру, но услышала шум на пролет ниже и решила глянуть, что там такое. У двери в квартиру стоял парень с большой спортивной сумкой на плече. Я бы не обратила на него внимания, но его одежда выглядела настолько закопченной, а кое-где и порванной, что одно из двух: или он бомж, случайно попавший в этот дом, или оказался на месте того взрыва, о котором говорили по телевизору. Все же, скорее, второе, потому что парень держал ключи от квартиры, а они в этом доме были с секретом, запоминая отпечатки пальцев тех, кто имел право ими пользоваться. Но двигался парень очень медленно и никак не мог попасть в скважину замка. Я, набравшись смелости, спустилась:

– Вам помочь?

– А? – Он, с трудом подняв голову, взглянул на меня до невозможности усталыми глазами, но вряд ли разглядел, кто перед ним. – Нет, спасибо.

Все же я подошла, взяла его руку – до ключа дотрагиваться было нельзя – и направила ключ в замочную скважину. Парень кивнул:

– Спасибо. Двое суток не спал, устал.

– Вызвать врача? – Я смотрела на его порванную одежду. Крови вроде нет.

– Нет, я не пострадал, – ответил он четко, перешагнув порог квартиры и тут же упал, так и не встав.

Я испугалась, что ему плохо, но он просто уснул. Я не врач, но понять это смогла: он улыбнулся во сне, повернувшись поудобнее. И что делать? Оставить его одного в квартире и просто уйти? Тогда дверь будет открыта – замки здесь слишком уж хитрые. Позвонить Свете? Постучать к соседям? Но, как я поняла, соседи работают там же, где и Фо, а значит, сейчас их дома нет, Света же занята под завязку, и дергать ее нельзя. Я заглянула в комнату, забрав диванную подушку, вернулась обратно в коридор и подложила ее под голову парня. Потом зашла на кухню, почему сама не знаю, и поняла, что еды в этой квартире нет, по крайней мере, готовой еды. На плите стояли только обычный чайник и чистая кастрюлька. Подумав, поднялась к себе и, налив в кастрюлю свежего супа, отнесла вниз, оставив рядом записку: «Суп свежий, приятного аппетита». Знаете, у себя на родине я бы вряд ли так сделала, но за прошед-

шие дни поняла, что здесь люди немного другие, не столь разобщенные, что ли. Подложив сложенную бумажку, прикрыла дверь, стараясь, чтобы бумаги не было видно. Вот так – и дверь закрыта, и с замком проблем нет.

Вечером вернулась Фо, усталая, но столь же быстро двигавшаяся.

– Привет! Свари макарон, хорошо? И котлеты в микроволновку сунь.

– Иди в душ и садись за стол, – улыбнулась я. – Ты же сказала вчера, во сколько примерно вернешься, так что все готово.

Она вскоре вышла на кухню, уже искупавшаяся, с мокрыми волосами, и остановилась:

– Это все мне? Но из чего? У меня этого не было.

– Было, садись. – Я налила ей супа. Вскоре и он, и эскалопы с картошкой и салатом были съедены, и Фо, уже засыпая, кивнула:

– Спасибо, спасла. Времени на обед не оставалось. Пойду спать. Завтра еще Лаки обследовать, с ним замаюсь. Уползла.

Я убрала посуду и тоже пошла спать, оставив записку, что на меня завтрак готовить не нужно, только кипяток на кофе, который я намешаю сама.

* * *

Утром неизменно бодрая Света растолкала меня на завтрак:

– Вставай, день проспий! Кофе готов.

– Угу. – Я, уже ожидавшая раннего подъема, выползла на кухню, достала из хлебницы медовое пирожное и села к столу. Фо удивленно посмотрела на мой завтрак:

– Тебе так нравится?

– Не очень, надо будет подобрать себе какое-то печенье, но яйца с утра я есть не могу, и такие бутерброды – тоже.

– Смотри сама. – Она взялась за здоровенный бутерброд с «докторской» колбасой. – Сегодня меня опять не будет весь день, но вечером соберутся все наши – наша команда, имею в виду. Ты всех уже видела кроме Лаки – он приехал только вчера. Если не трудно, приготовь чего-нибудь на всех, хорошо? Бутерброды, чай. Парни наверняка вина принесут, а пить без еды как-то не очень. И, пожалуйста, не выходи сегодня на улицу, вчера ЧП недалеко было.

– Я видела в новостях, – кивнула я. – Можно мне по твоим книгам пошарить?

– Конечно! Весь шкаф в твоём распоряжении. Хорошо, что ты напомнила, надо ведь тебе книги по истории принести. Спрошу у наших. Все, пора бежать.

Она умчалась, а я вернулась на диван и блаженно расслабилась. Можно с чистой совестью ничего не делать целых полдня! И еще подремать.

Все же вскоре я встала и порылась в книжном шкафу, но мало что нашла. Там оказались какие-то медицинские справочники, стопка журналов, две зачитанные книжки по домоводству: одна полувековой давности, вторая относительно новая, но тоже растрепанная, – и несколько разнокалиберных томиков художественной литературы, от Пушкина до какого-то современного дамского романа. Подумав, взяла подарочное издание «Джен Эйр». Акварельные иллюстрации великолепно подходили к несколько морализаторскому, но довольно интересному из-за описаний бытовых мелочей и старинных нравов роману, поэтому оторвалась я от книги только к обеду и спохватилась: нужно готовить что-то на ужин! Полезла в морозилку, пытаюсь сообразить, что делать, но ничего, кроме полуфабрикатов, не нашла и все же сбегала в знакомый уже магазин.

В семь вечера, когда я уже все давным-давно приготовила, появилась вся компания, в том числе и тот самый Лаки, о котором они говорили. Парень, уже отмывшийся и приведший себя в порядок (я ведь и так поняла, что именно он это вчера и был), протянул руку:

– Лаки, или Аркадий Счастливцев.

Имя ему не подходило, не знаю, почему. Не то чтобы он выглядел неудачником или еще что-то подобное, просто возникало ощущение какой-то искусственности, тем более такое вот сочетание – Счастливый Счастливец. Довольно высокий, худощавый и темно-русый парень, на вид моложе остальных, в рубашке-поло с забавными для меня остренькими уголками воротничка и простых джинсах, казался немного иным, но отличие было почти неуловимо. Я не стала заикливаться на этом и тоже протянула руку, представившись:

– Ната.

– Ты не Ната, а Сплюшка. Наверняка до полудня спала, – добродушно заметила Фотончик.

Если бы не традиция этих людей давать друг другу прозвища, фраза звучала бы оскорбительно, но именно в этом случае – просто «принятием в свои». Я улыбнулась, показывая, что намек поняла и от нового прозвища не отказываюсь, и спросила:

– Где ужинать будем? На кухне для всех места мало.

– Тащи бутербр...

Фо замолкла на полуслове. На кухонном столе стояли блюдо с пловом, вернее его имитацией – рис с овощами, обложенный золотистыми обжаренными ребрышками, – и бисквитный торт. Света обернулась, услышав хмыканье Попа, и распорядилась:

– Принесите стол из кладовки.

Вскоре в зале стоял раздвижной стол, и все весело болтали, уплетая и моюстряпню, и принесенные с собой колбасы, сыр и много чего еще. Я угадала: кроме вина они купили и водку, хотя пили ее не все, так что горячее жирное мясо оказалось весьма кстати.

– Ну как, Лаки, проверил все? – Пол смотрел на коллегу веселыми, слегка осоловевшими глазами: они с Солом, да и Лот, уже несколько раз отметили застолье водочкой, хотя и из небольших рюмок. – Нет ничего! Я же тебе это говорил уже!

– Проверил, хорошая техника. – Лаки догрызал ребрышко, запивая его красным вином. – Нам такую тоже нужно будет заказать. Но, сами знаете, она не может замерить все характеристики.

– Не начинайте опять! – Кью тоже потягивала сухое вино. – Хаук, они так всю поездку спорили?

– Нет, еще и работали, – усмехнулся Хаук.

– Ну что вы за люди?! Только о работе и говорите! До сих пор не пойму, как я умудрилась Лота охомутать?

– Кто кого – это еще вопрос. – Лот развалился в кресле, понемногу таская из тарелки сервелат. – Вопрос не в работе, а во взглядах на вас, женщин.

– И в чем разница? – Фо тоже выпила немного водки, которая подействовала на нее как успокоительное: Фотончик теперь была расслаблена, движения стали более плавными.

– В том, что работа меня везде найдет, а за Кью пришлось побегать. – Лот усмехнулся. – Инстинкт охотника. А некоторые бегают за дополнительной работой, и Лаки – впереди.

– Да он просто ищет свою ровню, – хмыкнул уже совсем размякший Сол: на него алкоголь действовал сильнее всего. – И землячку. Вот и мотается по стране как ужаленный, а была б его воля, по миру мотался бы. Лаки, ведь так?

– Считаю, как хочешь. – Тот пожал плечами.

Я оглядела стол: плов съели весь, тарелки с нарезками полупустые, но чай нести еще рано. Или уже поздно? Хозяйка дома просто отдыхает после работы, трое из шести парней осоловели, Кью явно не хочет заниматься уборкой. Пришлось вставать и самой убирать грязную посуду, благо что мыть не надо – мойка ведь есть. Хаук и Лаки тоже встали, чтобы помочь мне, а Поп остался сидеть: он был трезв, но шевелиться, по всей видимости, совсем не хотел.

– Так что выяснил? – Хаук, поставив стопку тарелок, обернулся к Лаки. – Ведь что-то есть?

– Только повышенный фон, как у нас и в Москве. – Лаки очистил от крошек блюдо из-под риса, поставил в мойку. – Такие же результаты приходят из Дебрянска, Саратова, Вологды. Фон не выше максимально допустимого. Да кому я говорю? Сам все лучше меня знаешь.

– Знаю. Что ты сам думаешь?

– Готовят что-то. С Ильгизом говорил, он тоже этого ждет. Но где?

Я очищала тарелки, ставила их в мойку, и слушала, ничего не понимая. Хаук обернулся:

– Прости, Ната, опять о работе. Спасибо за ужин. Давай чашки отнесу.

– И водку у друзей-товарищей заberi, а то их уже развезло. – Лаки перекладывал нарезку в одну тарелку. – Мне они бутылку не отдадут.

– Заберу. Они скоро успокоятся, десятый час уже. Или Фо не выдержит и всех выгонит.

– Или они пойдут добирать свое без нас. – Лаки усмехнулся. – Анализировать ситуацию. Как в тот раз. Ната, торт с чем? С вареньем? Жаль. В следующий раз им что-то с масляным кремом нужно – не так водка действует. Неси торт, а я мойку включу и чай захвачу.

Чайный стол вышел поспокойнее. Фо и Кью тихо беседовали, листая журнал, и несколько раз пытались привлечь и меня, но мне сейчас это было не интересно. Лаки, Хаук и Поп обсуждали что-то непонятное, Пол, Сол и Лот налегали на выпечку – и на мой торт, и на принесенные ими пирожные, – пытаясь травить байки, чтобы развлечь меня, но я их рассказов не понимала и только вежливо улыбалась. Потом Кью подняла голову от журнала:

– Поп, приютишь нас с Лотом на ночь? Чтобы до дома не ехать, я его не дотащу.

– Зачем Поп? – Удивился Сол. – Мы с Полом еще посидим, поболтаем у него, а вы ко мне идите.

– Вот и отлично! – Фотончик встала. – Пол-одиннадцатого, пора разбегаться. У некоторых, в отличие от вас, выпивох, завтра рабочий день. Хаук, прости, не о тебе речь.

– Согласен, Фо. – Он переглянулся с Лаки, ведь только недавно они говорили, что Света не выдержит и всех выгонит. – Я завтра тоже с утра в контору съезжу, отчет сдам, так что и мне пора на боковую. Помогайте убирать со стола. Э, нет, Пол, Сол, не вы, иначе опять на сервис скидываться придется. Кью, помогай, нечего о тряпках болтать, успеешь еще. Фо, Ната, сидите!

Мы все же встали: Света на самом деле беспокоилась за очень красивый сервис, судя по маркировке – Ломоносовского завода, – ну а мне было стыдно сидеть, когда хозяйка и гости работают. Пока убрали, Фо вспомнила:

– Лаки, у тебя же есть учебник по истории? Можешь Нате дать? Она ничего еще не знает.

– Дам, – кивнул он. – Могу и сам объяснить, а то твои способности к пересказу всем известны. Завтра у меня выходной, поэтому могу и город показать. Ната, ты согласна?

– Да, только если не весь город пешком обходить. – Я с ужасом представила себе эту перспективу.

Лаки рассмеялся:

– Я не Фо, это она КМС¹ по спортивной ходьбе и лыжам. Тогда завтра в десять утра, подойдет?

– Вполне. – Я согласно кивнула, а Кью улыбнулась:

– Самый лучший вариант, чтобы все Лаки объяснил. Фо, ты специально его возвращения ждала?

– Я и так все основное объяснила. – Света зевнула. – Вы выметаться будете, гости дорогие?

– Будем! – Лот, пошатываясь, вытолкнул на лестничную клетку Кью, за ними вышли Пол с Солом, которых придерживал Поп, и последними – Хаук с Лаки. Фо закрыла дверь:

– Изверги! Уже одиннадцать, а я еще не сплю.

¹ КМС – кандидат в мастера спорта. (Примеч. автора.)

* * *

Любит Света ранние подъемы и неудобоваримые завтраки. Хорошо, я себе сушек накупила, так что яичницу с остатками колбасной нарезки не пробовала, намешав себе напитка «Колос». Фо поморщилась:

– Разве тебе это нравится?

– Да. – Я пила его с удовольствием – тоже вкус детства.

– Ну смотри сама. Я на работу, вернусь к семи. Хорошо, что Лаки тебе все объяснит, он больше всех нас знает, по опыту. Я ушла!

Я проводила Фотончика, убрала посуду из мойки, загрузила туда чайный сервиз, так и стоявший с вечера, и задумалась: вчера насорили в зале, надо убрать, но ни веника, ни пылесоса я не нашла. Пришлось оставить все как есть.

Ровно в десять утра в дверь позвонил Лаки:

– Привет. Держи справочник по истории. Не передумала знакомиться с городом?

– Нет, – улынулась я, – но сначала вопрос: ты завтракал?

– Нет, не завтракал, нечем пока. – Он шагнул на кухню. – Так что не откажусь. Омлет?

– С остатками сыра. Держи. – Я разложила пышный золотистый омлет по тарелкам. – Дома любила его готовить, но не на завтрак.

– Фо тебя уже яйцами накормила? – Он рассмеялся. – Кью тоже жаловалась, и другие, кто у нее с ночевкой оставался, а Фотон считает, это лучшим началом утра. Но и ты ведь из яиц завтрак приготовила?

– Это уже не завтрак, я в семь позавтракала. – Я налила чай. – На вечер сварю ей пельменей, наверное. Вчера неудобно вышло, будто похвастаться хотела, показать, что я лучше хозяйки.

– Фо отлично готовит. – Он взял сушку. – Просто в последнее время не хочет, считает, что смысла нет. А так она многое умеет. Только вот не объяснять, что к чему. Человек действия. Пойдем?

Залитый летним солнцем город казался мне каким-то нереальным. С Фотоном мы его пробежали, и я мало что успела заметить, а тут мы шли не торопясь, и Лаки объяснял, что где находится.

– В центре города, около нашей конторы и еще километра на два-три от нее к северу и югу сохранилось довольно много старых домов, но в основном на центральных улицах, ну и церквей тоже. Здесь новые кварталы, они после войны все построены, а большая часть уже в последние лет двадцать, по новым технологиям. Вон там, на востоке, старый вокзал, на севере, при въезде в город, еще один, а за ним парк. Куда пойдем? В центр?

– Можно, но решай ты, мне все равно со всем знакомиться нужно.

Мы доехали до центра, потом прошли по главной улице, центральной площади, посмотрели на собор – такой же, как у меня на родине. Лаки рассказывал, объяснял, где наиболее важные организации, как туда добраться и все в том же духе.

– Город у нас относительно небольшой, тысяч триста всего, и довольно компактный, особенно по сравнению с тем, каким был раньше. Тогда много частных домов было, но теперь люди побаиваются, большинство в новостройки переехало. Окраины – какие заброшены совсем, какие дачные, или в сады, огороды превращены. Зато польза: отдыхать есть где, да и город своими овощами и фруктами всегда обеспечен, и даже мясом – на юге птицефабрика новая. Мы тут погуляем или в парк съездим? Там сезон аттракционов начался, какое-то оборудование новое, колесо обозрения, оттуда всю округу видно.

– Поехали в парк. Он далеко?

– Нет, чуть дальше за нашим домом. К тому же там хорошие кафе, а я тебе обед должен, за суп.

Я удивленно остановилась:

– Откуда узнал? Ты тогда меня и не разглядел-то.

– Я всех соседей знаю, по крайней мере то, что такой суп никто не готовит. Значит, кто-то новый, а это можешь быть только ты. – Он улыбнулся. – Спасибо, выручила. Я с поезда уже никакой вышел: сутки работал, в дороге даже подремать не удалось, там семья с маленькими детьми ехала. А потом еще этот взрыв. Я как раз наверх шел, меня по ступенькам немного прокатило. Потом пока всех оттуда вынесли... Хорошо, девчонка какая-то за сумкой присмотрела. Так что до дома на автопилоте дошел, как дверь открыл, и не помню. Ты помогла?

– Я мусор выносила, увидела, что ты замок открыть не можешь.

– А если бы я вором оказался?

– В этом доме?

– И в такие дома посторонним попасть можно. – Он серьезно кивнул. – Но об этом позже. Пошли, пообедаем, а потом погуляем по парку.

За обедом он спрашивал уже о моем городе – похож он на их город? Я отвечала, что чем-то похож, чем-то – нет. Главное различие – мой раза в два больше по численности и в несколько раз по площади.

– У нас много частных домиков, даже почти в центре, некоторые еще дореволюционные. Много довольно богатых коттеджей. Основные здания примерно такие же и на тех же местах, но больше перестроены и в них другие организации. Главная улица немного иначе выглядит, магазинов и торговых центров раза в три, а то и в пять больше, а заводов практически не осталось. Не спрашивай почему – этого у нас в стране никто не понимает. Я никак не могу привыкнуть, что у вас все товары русские.

– Не все, мы почти треть импортируем.

Лаки доедал заварное пирожное и боролся с вылезающим из него кремом. Я, взглянув на кремевые «усы» парня, рассмеялась и протянула салфетку:

– Держи. У вас треть, а у нас даже зубочистки, и те китайские. Для меня такое количество русских товаров – фантастика побольше, чем параллельные миры, особенно учитывая, что я сейчас здесь.

Лаки доел пирожное, взглянул на меня, как раз с тоской смотревшую на карусели, и встал:

– Пошли кататься, а то у меня такое ощущение, что у вас и каруселей нет.

– Есть, но я на самом деле давно не каталась.

Мы прокатились на каруселях и колесе обозрения, а потом еще и на старых качелях-лодочках, при виде которых у меня мелькнули сразу две мысли: «Как они здесь сохранились?» и «У нас бы их запретили по технике безопасности». Но аттракцион работал, и я, взлетая вверх, снова почувствовала себя Алисой Селезневой. Только ненадолго, потому что после качелей Лаки кивнул на дальнюю аллею:

– Пойдем туда, там можно спокойно поговорить.

Мы прошли по тропинке к деревянным мосткам на берегу большого пруда, Лаки сел на теплые доски, я, разувшись, рядом. Он стал рассказывать.

* * *

– Это было в девяносто четвертом году. Союз развалился за три года до того, затем была еще одна попытка то ли переворота, то ли дележа власти. Страну лихорадило, старики умирали с голоду, дети бросали учебу, чтобы заработать на хлеб, зарплату людям не платили месяцами, а то и годами. И руководство нескольких уральских областей решило воспользоваться случаем.

Они объявили о своей независимости, попытались захватить заводы и железные дороги. Если бы это им удалось – страны бы не стало: Урал делит страну пополам, там основная тяжелая промышленность, и через него идут все дороги в Сибирь. Москва поздно спохватилась, власть ускользала из рук президента, как раз когда-то и приехавшего с Урала, и его клики, никак не желавшей прекратить драку за кусок пирога. Тогда произошел новый переворот, успешный; к власти пришли военные, но не вояки, а хорошо знающие экономику, умеющие действовать и в стране, и во внешней политике. Они ввели диктатуру, национализировали все крупные предприятия, которые к тому времени пытались захватить бандиты, и ввели войска на Урал. Против воли других государств, но тут они жестко сказали: «Это наши суверенные дела, не лезьте».

Лаки сидел, задумчиво глядя на блестящую воду, и вспоминал:

– Это был маленький городок на Урале, живший за счет вокзала, – обслуживал железную дорогу. Его пытались захватить сепаратисты, не только уральские части, но и «добровольцы» из Сибирской республики, которую тогда финансировали США и Англия – повторялось то же самое, что и в Гражданскую войну. Городок отбивался, станция оказалась разрушена при обстреле и взрыве самодельной бомбы. Меня нашли среди обломков вокзала, я был поцарапан и без сознания. Врач осмотрел меня, сказал: «Легкая контузия, все пройдет» – и отправил во временный детский дом – туда свозили всех сирот и потеряшек. Я ничего не помнил, на все вопросы отвечал «не знаю», и меня прозвали Незнайкой. Ни документов, ни имени, я не умел даже читать и писать. Через неделю начался новый обстрел, детский дом эвакуировали в подвалы какого-то старинного здания. Взрослых было мало, они держали оборону. Ночь, зарево пожаров, и мы, те, кто постарше, несем в подвалы малышню. Одна ходка, вторая, третья. Потом снова взрыв.

Лаки вздохнул, кинул важно проплывавшему мимо и делавшему вид, будто он не попрошайка, лебедю кусок булки.

– В госпитале со мной начал работать психиатр и вскоре заявил, что у меня проблемы с развитием, что я необучаем. Ведь я не знал дней недели, не помнил ничего из прошлого – только то, что было в детском доме. Мне повезло – в госпиталь приехал ученый из Москвы. Он поговорил со мной, связался с начальством и забрал меня к себе. Усыновить не мог – возраст не позволял, – лишь опекунство удалось оформить, да и то с трудом. Он стал моим дедом. Составил программу обучения, так что школу я заканчивал уже вместе со всеми. Дед и дал мне имя, узнав, что я дважды пережил взрыв, и оба раза почти не пострадал.

– Значит, имя у тебя придуманное? – Я теперь поняла, почему оно казалось мне неподходящим для Лаки.

– Верно. И поэтому я больше привык к прозвищу – оно более настоящее. Дед не только учил и лечил меня. Он всю жизнь работал в группе ученых, занимавшейся секретной темой, потому и приехал тогда в госпиталь – узнал о моем случае. Ну а сепаратисты – с ними разобрались довольно быстро, хотя, конечно, проблемы были, да и сейчас иногда возникают. Но люди на Урале и в Сибири не хотели такой «независимости» и поддерживали присланных из Москвы военных. Это не пропаганда, я ведь тогда сам там был. Людям хватило разрушенных городов, других бед, и они выступили за единую страну. В понедельник как раз отмечали годовщину – День Воссоединения. Но тогда не только война повлияла... – Он снова посмотрел на кружившего рядом с мостками лебедя. – Была другая причина, более серьезная, мировая. И именно из-за нее существует и наша контора, и другие такие филиалы.

– Какая причина? Фо ничего не говорила.

– Фо не умеет толково рассказывать. – Он ласково улыбнулся. – Я же говорю: она человек дела. Для нее верх возможностей – отчет составить, и то получается один «скелет». Но в деле надежнее ее не найти. В институте она по полевой хирургии специализировалась, говорят, одной из лучших была.

– Так какая причина? – напомнила я, думая, что в спортивную и деятельную Светлану, кажется, влюблены все парни. Это и не удивительно.

– Причина? Придется говорить о прошлом, еще довоенном – я о Великой Отечественной. Впервые это случилось летом сорок первого, как раз в ночь нападения. Произошло все недалеко отсюда, в соседней области. Там был поселок, старинный, когда-то даже городом считался, а потом его перевели «за штат»², и он постепенно стал превращаться в село. Но тут отменили крепостное право, начали появляться новые заводы, и один заводчик перестроил городок, сделав его чем-то вроде фабричного поселка. Что там производили, я не знаю, но завод был хоть и небольшой, но крепкий, к нему даже узкоколейку проложили. В Гражданскую его разграбили, потом начали восстанавливать, рядом детскую коммуну организовали, но жителей там все равно было меньше, чем до революции, многие дома стояли пустые. В конце тридцатых один дом купили ученые из Москвы, под дачу, и устроили в нем что-то вроде лаборатории, даже генератор привезли, чтобы от заводской электростанции не зависеть. Мы до сих пор толком не знаем, что они там делали, но результат аукается всем до сих пор.

– Какой результат? – Я кинула кусок булки лебедю, теперь явно намекавшему, что, если он не получит дани, нам мало не покажется.

– В ночь на двадцать второе июня рядом с тем городком были всполохи, похожие на северное сияние, слышался гул. Утром началась война, стало не до «природных явлений», но почти сразу же выяснилось, что и сам городок, и местность в радиусе десяти километров вокруг – исчезли. На этом месте возник лес, не совсем похожий на обычные. Исчезла узкоколейка, ремонтный стан рядом с городком, несколько деревень, детская коммуна. Ведущие к ним дороги словно обрезало стеной леса, в который никто не мог зайти: при попытке пересечь невидимую границу человек оказывался на противоположной стороне запретной территории, километрах в двадцати от места, где только что находился. И не только человек – любое живое существо.

Лаки кинул булку тому же нахальному лебедю, теперь решившему шантажировать уже его, потом шикнул на птицу, взмахнув рукой, и пернатый рэкети́р с гордым видом удалился. Лаки же продолжил рассказ:

– Во время войны запретная зона оказалась на оккупированной территории. В нее бились и немцы, пытавшиеся разгадать ее секрет, – говорят, «Аненербе» там здорово отметилась, – и наши партизаны, искавшие безопасное место для лагеря. В сорок третьем году, как только область освободили, к этой закрытой зоне отправили группу ученых – собрали их со всех фронтов. Деду тогда было двадцать восемь, он ушел из аспирантуры добровольцем в первые дни войны и считался подающим надежды физиком, особенно потому что уцелел за эти годы. И его взяли в группу.

– Физик? Я думала, что он врач, – удивилась я.

– Кандидатскую по медицине он защитил уже через десятки лет после войны. К тому времени дед стал одним из руководителей института, работавшего над проблемой зоны, а тогда был простым эмэнесом. С зоной они бились десятки лет, много чего перепробовали, чтобы туда попасть, столько разных приборов изобрели. Уже в сорок девятом году у нас были радиоуправляемые вездеходы с кинокамерами, небольшие, конечно, почти игрушки, но были. На их основе потом и луноходы создавали, и многое другое. Туда они проникали без проблем, если на них или в них не было живых существ. Дед рассказывал: они специально какую-нибудь вещь, обычно стальной шарик, дрожжами обмазывали и в зону кидали. Шарик пролетал, а дрожжи телепортировались точно на противоположную сторону зоны и плюхались в миску, конечно,

² Перевести город «за штат» – в XVIII–XIX вв. некоторые небольшие города лишались административного значения (в основном переставали быть центрами уездов), но сохраняли права города. В большинстве случаев они постепенно превращались в обычные села, и после революции их статус городов был окончательно упразднен. (*Примеч. автора.*)

если ее подставить успевали. Оттуда же, из зоны, ничего нельзя было вынести, ведь даже в тухлявой щепке огромное число микроорганизмов. При попытке вытащить образцы, они телепортировались внутри зоны точно так же, как дрожжи, – снаружи. А вот если живое существо находилось в закрытом контейнере – тут уже сложнее, да и страшнее: организм пытался телепортироваться, но ему это не удавалось, и он буквально размазывался по стенкам, при этом, если оказывался достаточно крупным по отношению к контейнеру, останавливая его. Казалось, что контейнер на огромной скорости ударялся в преграду. Поэтому попытки перебросить в зону живые существа или вывезти что-то оттуда прекратили.

– И как эта история связана с вашей конторой? – Мне все это было интересно, но все же хотелось разобраться в сегодняшнем дне.

– Потерпи немного. – Лаки улыбнулся. – Зона была закрыта десятки лет, но кое-что удалось выяснить. Сохранились черновики и переписка тех ученых, что находились тогда в городке – бумаги в Москве остались. Они работали над совершенно неизученной тогда темой физики пространства и как раз собирались провести небольшой эксперимент по телепортации. Результат явно превзошел их ожидания.

Лаки усмехнулся, потом сделал вид, что замахивается, – пернатый рэкетир как раз начал новую попытку выбивания дани, но при виде резко поднятой руки со сжатым в кулаке «камнем» (на самом деле носовым платком), быстро отгреб в сторону. Лаки продолжал:

– Группа деда смогла восстановить некоторые формулы тех ученых. Если бы не слишком удачный эксперимент, они бы Нобелевскую могли получить – их теория на одном уровне с ОТО³ Эйнштейна. Но вот такой результат: они исчезли, город тоже, вместо него – абсолютно закрытая для всего живого зона. Группа деда начала работать в этом направлении, создали два института: один у зоны, второй на Урале, подальше от крупных городов. Дед мотался между ними и как-то умудрился даже семью создать, троих детей воспитать. Так вот, группа работала, и по всем расчетам получалось, что часть поверхности нашего мира оказалась переброшена в какое-то другое место, но не на Земле, а в параллельном мире, а часть поверхности оттуда – к нам. Тогда о параллельных мирах даже фантасты не особо думали, так что фантастикой это никто не назвал. Исследователи выяснили, что из-за перемещения поверхности между мирами в зону проникнуть нельзя, только постепенно происходит слияние куска перенесенной поверхности с нашим миром, и через какое-то время та территория станет частью нашего мира и можно будет попасть туда. Расчеты оказались точными вплоть до недели, и в восьмидесятых годах люди смогли попасть в запретное место. Но к этому времени в стране уже шла перестройка, секретные институты расформировывали, ученых увольняли или отправляли на пенсию, а информацию передали всем, кто только спрашивал, да и тем, кто не спрашивал, тоже. Было много крика о «бесчеловечных опытах тоталитарного режима», ученых из группы деда начали травить журналисты и «правдолюбы». Но тут выяснилось, что подобная же зона была и в Северной Америке, только в безлюдной местности, из-за чего ее и не получалось обнаружить с воздуха или из космоса, а американцы о ней молчали, сколько могли. Мы о той зоне догадывались, они – знали о нашей. Теперь они все знали о наших исследованиях, мы же об их – ничего, только что подтвердилась теория «тени», возникающей при соприкосновении миров.

Лаки вздохнул.

– Исследования этой проблемы у нас остановили, в отличие от США – мы ведь были теперь «демократической страной». Институт на Урале закрыли, здания забросили, даже не потрудившись вывезти оборудование и архивы. А там находился целый научный городок, вскоре занятый непонятными людьми – то ли сектантами, то ли псевдоучеными, – поддерживаемыми местным руководством. Но кому тогда до этого было дело? На территорию бывшего института стали завозить огромное число генераторов, оборудование для новой электростан-

³ ОТО – общая теория относительности А. Эйнштейна. Нобелевскую премию он получил не за нее. (Примеч. автора.)

ции и много чего еще. Финансировалось все это международной общественной организацией, официально примыкавшей к «зеленым», но по сути – чем-то вроде секты с головным офисом в США и руководством из представителей граждан нескольких стран – Европы, Японии, кое-кого с арабского Востока, ну и тех же американцев. Официально организация выступала за отказ от крупной промышленности, переход к самообеспечению и, главное, полное уничтожение крупных городов, с переселением людей «на лоно природы». Урал, особенно Северный, был им удобен, там много тихих долин, где можно устраивать свои поселения. Так они говорили.

Правда, продукцией той самой цивилизации пользовались вовсю, особенно энергетикой и вычислительной техникой.

Но требовали «возврата к исконным нормам взаимодействия с природой», отчего их у нас прозвали исконниками.

– Я слышала это слово, в новостях говорили, что именно они устроили взрыв в переходе. – Я обернулась от озера (следила за так и маячившим неподалеку лебедем).

Лаки согласно кивнул:

– Да, они. Только про их связь с взрывом – глупые слухи. Я же там был. Просто у какого-то дебила баллон с бытовым газом взорвался, счастье, пустой почти. Исконники действуют иначе, и до нападения не «светятся». Хотя они это не нападениями считают, а «попыткой восстановить равновесие в природе». Первый раз они открыто заявили о себе в конце девяносто третьего, воспользовавшись неразберихой в Москве и на Урале. В Москве как раз осада Белого Дома шла, президент с Советом власть делили, поэтому никто не обратил внимания на сообщения с Урала. Потом уже люди задумались и вызвали группу деда – всех, кто был жив и в стране.

– А что произошло?

– Исконники запустили первую установку в одном из небольших уральских поселков. Энергии им хватило всего на полчаса, потом вся округа оказалась обесточенной, но этого было достаточно, чтобы в поселке произошли «непоправимые изменения», как написали в отчете. Тот, первый, довоенный эксперимент был иным, и на самом деле при небольшой затрате энергии привел к полной замене участков поверхности, а вот этот, у исконников, как и все их последующие нападения, – к... не знаю, как это точно сказать. Это был «винегрет» из двух пространств, выглядевший как кошмарный сон: сквозь одни постройки проступали другие, улицы вели в тупики, а то и жилые комнаты, подвалы, смешались даже время суток и сезоны. От самого воздействия люди не пострадали – те места, где находился хотя бы один человек, не «выворачивало», только в нескольких метрах от него начиналась катавасия. Но аварии, сердечные приступы, помешательство, я уж не говорю про обычный шок... Через полчаса все затихло, только в некоторых местах появились или исчезли небольшие постройки – те, в которых не было людей. Да еще появились два непонятных человека в необычной одежде и совершенно без памяти. Психически они были нормальны, но сильно истощены, и ничего о себе не помнили. Это были первые... – Лаки сжал кулак. – Я оказался здесь в результате третьего «эксперимента» – подросток, ничего о себе не помнивший, не умевший читать и писать, вернее не умевший делать это на языках этого мира. Фактически я родился тогда, у меня нет детства – я его не помню, только взрывы и оборону детского дома. Дед тогда уже искал нас – таких вот параллельщиков. По госпиталям, психбольницам, детдомам. Он спас и меня, и Ильгиза. Тот оказался здесь вообще малышом, его усыновили знакомые деда, татары по национальности. Сам Ильгиз очень светловолосый, только что скулы более высокие. Его даже «белым татарчонком» прозвали, он не обижается. Ты чего?

– Вспомнила: в детстве откопала старую книжку, «Белый цыганенок» называлась, как раз о похожем, только там мальчишка в войну к цыганам попал, – улыбнулась я, думая про

себя: «Как же страшно жить вот так, не зная ничего о своей родине, о своей семье, быть чужим для всех».

И Лаки как раз заговорил об этом:

– Все мы, параллельщики, генетически люди, у кое-кого уже семьи, дети от местных, но каждый – единственный представитель своей расы. И ты – тоже.

Я слушала, все больше проваливаясь в ощущение полнейшего, абсолютного одиночества. Да, вокруг были люди, и даже говорившие со мной на одном языке, но я все равно была одна, одна в целом мире. Это страшно. Все же я заставила себя очнуться – именно потому, что рядом на самом деле были люди, пусть и другой расы, но внешне-то это не определить, только по анализу ДНК. А культура и история вообще одинаковые. Чтобы не показать своего состояния, спросила, стараясь говорить так же спокойно, как и до этого:

– Если у всех параллельщиков есть отличия в ДНК, то у всех и реакция на местные вещества будет, как у меня на валерьянку?

– Нет, такое бывает редко. – Лаки улыбнулся, но, кажется, заметил мое состояние, ведь сам прошел через намного худшее. – Но всех, кого выявили, проверяют. А их немного: официально в мире один параллельщик на три-четыре миллиона человек. Неофициально, как говорил дед, их может быть и в десять раз больше, тех, кто или не опознан – к примеру, совсем маленькие дети или сошедшие с ума, – или сообразил не привлекать к себе внимания. Ну а где-нибудь в отсталых странах до сих пор учета нет, там вообще официально ни одного параллельщика не обнаружено, да и о «тенях» после нападений мы, бывает, узнаем через несколько лет, когда уже все прошло. Но у нас учет ведется, и тебе повезло, очень.

– Почему? – Я знала, что мне повезло, но он имел в виду что-то иное.

– Параллельщиков не любят, а то и боятся, некоторые вообще считают, что мы во всем виноваты. Были убийства, даже ритуальные – сект сейчас много.

– Значит, здесь все это до сих пор? А как же тогда развитая промышленность? Да и город, смотря, спокойно живет, и в мировых новостях особо ничего не говорят.

– Промышленность... – Лаки снова улыбнулся. – Правительство, сместившее президента, выбрало нового, более толкового правителя – я уже говорил об этом. Конечно, «мировое сообщество» завопило о «возвращении тоталитаризма», но результаты нападения исконников заставили их умолкнуть. А результаты эти как раз и требуют, чтобы у нас была сильная страна, то есть вменяемая, независимая от «мирового сообщества» и не хапающая все, до чего дотянется, власть и мощная промышленность...

– Эх, поняло бы это наше руководство, – вырвалось у меня. – Прости, продолжай.

– Наиболее важные предприятия снова ушли под управление государства, хотя официально стали акционерными обществами, с контрольным пакетом именно у государства. Частникам передали право производства одежды, мебели, еды, бытовой техники, но с ограничением: приоритетной должна быть закупка сырья у местных производителей. Не знаю, как они там все организовали – я не экономист, – но удалось возродить колхозы, поднять сельское хозяйство, в то время как раз начинавшее погибать. Конечно, и фермеры у нас есть, как были единоличники раньше, в Союзе, и их довольно много. Но в основном развиваются средние и крупные предприятия, колхозы.

К этому еще и нападения исконников привели.

– Как?

– Они хотят повторить довоенный эксперимент, а в идеале – распространить эти зоны на все крупные города мира. Но сейчас ни у кого нет необходимых данных, а при наших знаниях для запуска процесса слияния пространств нужно огромное количество энергии. В маленьких городках ее столько нет – первые попытки исконников на Урале это показали. Тогда они за год штук двадцать экспериментов провели, по заказу сепаратистов – те хотели отгородиться от Европейской части такой вот границей из измененного пространства. Только энергии на это

и на всей Земле не хватит, но они этого тогда не знали. И сколько бед они принесли! Каждое нападение приводит к некоторому сдвигу пространства, и чем более заметен этот сдвиг, тем сильнее эффект. В районах с плотной застройкой он есть, но захватывает целые дома, а не части: площадь многоэтажки меньше, чем частного участка, и больше вероятность, что на этой площади будут люди – без разницы, на каком этаже: тут что-то вроде проекции действует. Так что, как ни странно, многоэтажки несколько безопаснее.

– Поэтому у вас такие дома-башни? – уточнила я.

– И поэтому тоже, – кивнул Лаки. – И квартиры теперь с учетом этого проектируют. Не представляешь, как строительные фирмы рады: государство все оплачивает, полную перестройку советских типовых кварталов. Старинные дома не трогают, потому что они обычно в центре городов и меньше страдают, а новостройки все вот такие. Но это не так серьезно, если смотреть на все последствия. И даже отключение энергии не столь страшно. Я уже говорил, что начинали исконники с малых городков, но оптимальным для них оказалось действовать в городах с численностью между двумястами и полумиллионом жителей. Меньше город – нехватка энергии, больше – более компактно расположены жилые кварталы, коммуникации, легче обесчистить район, да и многое другое влияет, от физики до численности милиции, к примеру. Так что под ударом такие города, как наш, ну и участки, на которые падает «тень» после эксперимента, а она может оказаться в любом месте, нам не удастся пока просчитать закономерность. К тому же разработки исконников все мощнее, и пострадавшие местности некоторое время бывают заблокированы от проникновения живых существ, как та, первая зона. Представь: полгорода отделено от мира, энергия и вода есть, связь работает, а вот продукты... Теперь все страны вроде как на осадном положении: все развивают местное производство всего, что только можно. Потому что никто не знает, где будет нападение – исконники ведь не только в России действуют, в Европе и США даже больше, – и куда упадет «тень». Каждый город вынужден иметь запас на случай ЧП, а подвоз необходимых материалов должен быть налажен как можно быстрее. Тут не до экспорта, хотя и он развивается, конечно. Наше правительство довольно доходчиво объяснило это предпринимателям, они поняли. Официальная идея «выгода превыше всего» работает и сейчас, но мы смогли убедить всех, что выгода государства и человечества выше доходов одного торгаша. Когда стоит вопрос выживания, все объединяются или гибнут. Теперь соблюдается паритет: государство в обычное время не вмешивается в дела производителей – конечно, если они соблюдают закон, – не изменяет эти самые законы и налоги, но в случае ЧП все предприниматели обязаны мгновенно и бесплатно предоставить все необходимое и качественное, иначе их будут судить по законам военного времени, а бизнес уйдет государству. В других странах сейчас тоже так. Конечно, есть те, кто противится, те, кто поддерживает действия исконников, финансирует их – на коленке такую установку не собрать, на калькуляторе расчеты не сделать. Поначалу кое-какие государства даже поддерживали исконников: пошел слух, что в возникновении «теней» виновато именно наше правительство, ну или правительство США, а то и оба: новая гонка вооружений, мол. Но все это продолжалось только до тех пор, пока исконники не устроили самую большую за все время атаку, причем финансировал ее и участвовал в разработке какой-то американский сенатор, к тому же ярый противник России, сваливавший всю вину на нас, а сам бывший одним из руководителей официальной организации, которой исконники и прикрывались. Только он крупно просчитался, и удалось отследить его перечисления исконникам и переписку.

– А что за атака? – Я пыталась понять угрозы еще недавно казавшегося мне таким безопасным мира.

– Исконники собрали установку не в относительно небольшом городе, а в Чикаго. Первый и последний раз такой большой город выбрали, не учли влияния излучения от коммуникаций. Там такое началось, что до сих пор вспомнить страшно. Начались побочные эффекты, и мало того, что треть города на год в изоляции оказалась, так еще во время работы аппарата стала

проявляться такая чертовщина! Дед предполагал, что это были возможные варианты настоящего и будущего, а то и прошлого, причем временно ставшие реальными варианты. Там пятнами шло: нормальные кварталы, а потом выжженная гарь, оплавленные ядерным взрывом дома, сгоревшие тела, и вскоре все исчезает. Тогда весь квартал пришлось выселить – остаточная радиация оказалась совсем не вариативной. Там много еще чего было, правда, часто это известно только со слов очевидцев, не всему верить можно. – Лаки не выдержал, поболтал босыми ногами по теплой воде. – Но удар не только по Чикаго пришелся, «тень» аккуратно на Женеву попала, когда там главы государств и премьер-министры собрались. Так и сидели целый год, пока блокада не пропала.

– А чем они питались? И в Чикаго? – удивилась я. – На запасах год не высидеть.

– Тогда запасы еще никто не делал, да и на самом деле не высидишь. Огородничеством занимались, благо климат там позволяет даже по зиме кое-что выращивать. Ну в Женеве. И поставки из «большого мира». И в Чикаго так же. Неживые-то предметы через блокаду проходят, так что еду им доставляли. Не свежую, конечно, и даже не заморозки, а консервы в основном, сверхстерильные, иначе ведь никак. Тогда как раз мировая промышленность и освоила производство идеально стерильных консервов, а то бы президенты с голоду померли. Из-за одного Чикаго так бы не старались. Президентам же такое «сиденье» пошло на пользу, они ведь странами и дистанционно руководить могли, а вот так тесно пообщаться возможности больше точно не представится. – Он рассмеялся. – Когда-то в средневековье было очень долгое сидение кардиналов в конклаве, когда они не могли Папу выбрать, а тут получилось годовое «Женевское сидение» президентов. Результат сама видишь: несмотря на угрозу искинников, мы живем нормально, войны в основном затихли, пусть и не всюду, сотрудничество между государствами пошло. Поняли, что от такой угрозы в бункерах не отсидеться и морем не отгородиться. Только я подробности уже потом узнал, после госпиталя.

– После какого госпиталя? Когда тебя дед забрал? Это же вроде раньше должно было быть.

– Да, это уже намного позже было. Я школу закончил вместе со всеми, хотя только последний год в нее и ходил, до этого с дедом и его друзьями занимался. Дед хотел, чтобы я пошел на физмат, но мне ближе инженерные специальности оказались – он меня несколько раз тестировал, – и я пошел на физтех, правда не по конкурсу, потому что, хоть и сдал все нормально, баллов не добрал, а по льготе, как сирота. А когда учился на четвертом курсе, кому-то из военного руководства в голову стукнуло, что такие ребята, кто сиротами во время той войны на Урале остались и освобождение от призыва имели, просто «косят». Ну и призвали сразу всех, я даже сессию не успел сдать. Дед тогда уже очень в возрасте был, переживал, но я сказал, что все нормально, скоро вернусь, и так, наверное, даже лучше. Потом оказалось, что меня распределили на Урал. Деду уже не сообщал, чтобы не волновать.

Лаки, вздохнув, поднял ноги на мостки, потянулся за кроссовками, потом передумал.

– В учебке сначала все было нормально, мне даже понравилось, как ни странно. Но потом на соседний городок напали все еще действовавшие кое-где сепаратисты, причем очень демонстративно напали. Нас подняли по тревоге, послали охранять уже наш городок, где учебка находилась. Нам нужно было только патрулировать улицы, потому что – что еще с новобранца взять? Поэтому когда искинники включили свой прибор, мы оказались к нему ближе всех, и я полностью увидел его действие, и почувствовал тоже. Я был в составе наряда, мы во время комендантского часа патрулировали. Началась чертовщина, но не сильная, все здания на месте стояли, так что вроде терпимо. Я увидел в окне заброшенного во время войны здания свет, пошел проверить, напарник меня прикрывал. Нас тогда не всех на улицы вывели, так что наряды из двух-трех человек состояли. Ну поднялся я на второй этаж, по коридору прошел: там ободранная комната, одна бетонная коробка осталась, и грудa мусора в углу – доски с пола, обломки мебели, в общем, еще с войны разруха. А в центре костерок из этих обломков и два

испуганных пацана около него, а в костерке старая граната – наверное, еще во время войны ее кто-то там потерял, она намертво кольцом за гвоздь в доске зацепилась, а чека не выдернулась, пацаны ее вместе с доской в огонь и сунули, вот только что. Я успел их вышвырнуть, даже сам почти выскочил, как рвануло. Меня посекло, к счастью не сильно, только крови много потерял и сотрясение заработал. Потом оказалось, что пацаны эти – параллельщики, не знали не то что, что такое граната, а вообще ничего еще не поняли, не в себе были от страха, только костерок и смогли разжечь. Ну а я очнулся уже в госпитале, еле живой, но, что тогда поразило врачей, с почти сразу зажившими ранами, и выглядел намного младше, чем на самом деле. Только первый день меня откачивали: почему-то шло сильнейшее истощение организма, при полном заживлении всех новых и даже старых шрамов и травм. Блокада того городка держалась всего несколько дней, а потом в госпиталь ворвался дед. Он по номеру учебки смог узнать, где я, до этого я ему полный адрес не писал.

– По номеру части? А разве на конвертах город не пишут? – удивилась я.

– У нас нет, не знаю, как у вас, – хмыкнул Лаки. – В общем, приехал дед, посмотрел на меня, а я – пацан пацаном, к тому же скелет натуральный, меня с ложечки кормили, сам руку поднять не мог, будто из концлагеря. Дед на меня, на пацанов тех – они немногим лучше меня выглядели, тоже сильнейшее истощение, – посмотрел, а сделать-то ничего нельзя, это военный госпиталь, к тому же я срочник. Пацанов все же в Свердловск отправили, они потом выздоровели, сейчас уже институт закончили, оба. Ну а со мной что делать – непонятно. В Москву, в госпиталь отправлять? Повезло, тогда комиссия приехала, выяснять про нападение сепаратистов, ну и в госпиталь зашла. Генерал какой-то глянул на меня, так на всех десятиэтажным: «Какого срочник?! Он белобилетник по жизни! Комиссовать немедленно». Кажется, боялся он, что я там ласты... помру, в общем, а им отчитываться. Меня вскоре в Москву отправили, уже в гражданскую больницу. Но я быстро выкарабкивался. А пока на Урале в госпитале был, с Хауком познакомился. Он-то после института в армию пошел, полтора года уже отслужил. Их часть как раз нападение сепаратистов и отражала, он на пулю нарвался. В общем, сдружались мы с ним за эти дни. Он физмат закончил, хотел после армии в контору идти, а тут, как посмотрел все это, – тем более. Только не в Москву, а сюда вернуться. Он ведь местный, а здесь как раз филиал создавали. Меня позвал. Дед обрадовался, что я его дело продолжу, пусть и немного иначе, но все это его подкосило, и через полгода он умер. Тогда и выяснилось, что он, еще когда я школу заканчивал, завещал мне часть своей библиотеки.

Лаки взглянул на меня, ожидая какой-то реакции. Я кивнула:

– Хорошее наследство, очень.

– Ты права. Остальное свое имущество он внукам завещал, даже не детям. Те повозмущались немного, дети, имею в виду, но смирились. Меня они так полностью и не приняли, думали, что я за наследством гонюсь. Книги их немного успокоили: не библиографическая редкость ведь, ценности никакой. Я в общежитие перебрался, институт закончил и сюда приехал: на меня из местного филиала к моменту распределения персональный запрос пришел. Квартиру получил – дом как раз только построили, – стал работать. Сначала с Хауком, потом Поп появился, Пол с Солом привели Лота. Фо пришла, привела Кью. Поп сюда из милиции перевелся, Пол и Сол – аналитики, тоже с физмата, но местного. Фо – в Москве медицинский закончила. Лот – одноклассник Сола, водителем у нас работает. Кью – одноклассница Фо, училась на кондитера, устроилась к нам в буфет.

– Я думала, все вы ученые.

– Нет. Ты разочарована?

– Чем? Просто непривычно. У нас сейчас редко дружат люди «разных социальных слоев». Почему-то считается, что у них мало общего, разное образование, интересы и взгляды на мир. Хорошо, что у вас не так.

– В конторе работают разные люди, нас одно дело объединяет. Я здесь уже лет десять.

– Сколько же тебе тогда? – поразились я, ведь он выглядел младше остальных.

– Больше, чем кажется. Я же говорил, что в госпитале выглядел как школьник. Оказалось, что прибор исконников собрали совсем рядом с госпиталем, хотя и на другой улице, но почти вплоты. Излучение этих установок так влияет на всех параллельщиков: организм резко омолаживается, исчезают старые шрамы, травмы, ранения заживают за часы, даже зубы вырастают, если раньше выпали. Но это не благо, а огромное истощение организма – буквально за сутки, а то и часы. Случалось, люди погибали. Пойдем домой? Уже почти пять, а ты обещала Фо ужин приготовить. Не против немного прогуляться? Здесь не очень далеко, а ехать придется с пересадками, и до остановки идти долго.

– Пойдем. – Я встала, ноги моментально высохли на горячих досках мостков, даже ждать не потребовалось, сразу обулась.

Идти оказалось на самом деле не очень далеко, километра полтора, и действительно ближе, чем если бы топали к остановке. Только пришлось пройти через небольшое здание нового вокзала.

– Основной вокзал дальше на юго-востоке, но из-за того, что город теперь не так растянут, построили и это здание, – объяснил Лаки. – Здесь почти все службы убраны под землю, да и считается он вспомогательным, но если что – он как раз в черте блокады окажется, а это...

– Намного удобнее для доставки грузов, – кивнула я, понимая теперь несколько странную архитектуру здания: пути проходили его насквозь, не все, лишь два, явно не используемые в обычное время – через них были перекинута пешеходные мостики.

– Да, для этого. Эти два пути как раз и рассчитаны на такой случай, а там, на улице, – обычные пути для электричек и поездов.

Мы прошли по уже знакомой мне улице, зашли в подъезд. Лаки вдруг посоветовал:

– Приготовь Фотону жареной картошки. Фо терпеть не может ее чистить, а жареную любит. Мы, когда у нее собираемся, вечно именно картошку жарим. И не сердись на Фо, если что. Характер у нее необычный, это верно, но человек она очень хороший.

– Я уже поняла. – Я остановилась у лифта. – А ты чем ужинать-то будешь?

– У меня сегодня ночное дежурство, я на работе поем, так проще. Удачи и привет Фо!

* * *

Фо вернулась в восьмом часу, очень усталая, что выражалось только в желании тут же лечь спать, а не в скорости движений.

– Обработаны результаты медосмотров, и начальству не все нравится, завтра придется опять парней гонять, особенно Лаки.

Я уже немного понимала, почему именно его, и ждала продолжения. Не ошиблась.

– Можешь послезавтра в контору приехать? Суббота, конечно, но тебе пока разницы нет, да и медосмотр нормальный пройти надо.

– Сравнить с данными Лаки, да? – Я выставила перед Фо тарелку с жареной картошкой.

– М-м-м! Лаки подсказал? Про картошку? Обожаю ее, но пока все почистишь...

– Я так с рыбой – есть люблю, а сырую видеть не могу, особенно когда живая бьется. Так что понимаю. – Я положила себе салата из свежих помидоров и огурцов.

– Тогда разделим обязанности. Я запах рыбы люблю. – Она выгребла из сковородки все себе в тарелку. – Не против?

– Согласна и про обязанности, и чтобы ты все доела. – Я рассмеялась. – Так с результатами Лаки сравнивать будешь?

– Да, с ними. Рассказал? Хорошо, а то мне уже выговор сделали, что до сих пор тебе ничего не объяснила и нормативы нашей конторы не выдала. Держи, завтра считаешь! – Она

достала из висевшей на ручке двери сумки папку с распечатками: – Тут устав, должностные инструкции и много чего еще.

– И ты все это просто в сумке несла? – Я удивилась, ведь их контора – совсем не «кружок юного физика». – Это можно выносить из здания?

– А чего тут тайного? – пожала она плечами. – Обычный устав и основные инструкции – это не тайна. К серьезным вещам у тебя допуска нет, ты только в открытой части архива работать будешь. К тому же тебя, пока ты в той комнате отдыхала, психологи из Москвы изучили, разложили на составляющие и обратно собрали. И рисунки твои, и все записи с телефона, и книги, что ты читала, – все проанализировали, да не по одному разу. Так что в перспективе тебе через несколько лет полный доступ дали бы, но ты ведь к себе должна вернуться. А у вас такие знания не нужны, а то или тебя в «дурку» отправят, или кто-нибудь попробует идею исконников перенять. Спасибо, картошка – объеденье! Я пошла отсыпаться.

* * *

На следующее утро я спохватилась и притормозила Фо у двери:

– В комнате третий день грязно, а веника я не нашла...

– Сейчас! – Она распахнула шкаф в прихожей. – Вот пылесос. Включается этой кнопкой, убирает все сам. Потом выключишь и перенесешь на кухню.

– А...

Я не успела слова сказать, как она сунула мне инструкцию:

– Держи, а я убегаю, иначе опоздаю.

Я взялась изучать брошюрку и опять удивилась. На моей родине пылесосы-автоматы до сих пор скорее игрушки для богатых, чем реальные помощники, и внимания к себе требуют столько, что легче самим все убрать, чем его включать: мебель необходимо поставить так, чтобы пылесос об нее не бился, а все небольшие вещи, вроде носков и резинок для волос, убрать с пола, иначе «чудо техники» или застопорится, не опознав, к примеру, ботинки, и не додумавшись их объехать, или засосет те же самые носки. Конечно, считается, что аккуратный человек их на полу не оставит, но... Вы лично куда их убираете? Не грязное рваное уродство, разумеется, а те носки или гольфы, которые надевали всего раз и планируете надеть утром? Правильно, под стул с одеждой – искать не нужно, и глаза не мозолят. Техника на моей родине такие вещи не опознает – мозгов у нее меньше, чем у амебы, – и пытается засосать как мусор, давясь и ломаясь. А у Фо аппаратик оказался умнее. Резинки-заковки он тоже не всегда опознавал, но когда в его память закачивали фото всякой мелочи, которая может случайно оказаться на полу, он такие вещицы различал отлично, складировав в указанном хозяином месте. Я включила небольшого клешнястого «крабика» и специально провела эксперимент, найдя в вазочке на столе пластиковые сережки, нитку бус и огрызок карандаша. «Крабик» пошевелил небольшими клешнями с видеокамерами, и на самом деле пинками оттранспортировал все к двери, а потом вернулся на место незаконченной уборки. Забавный приборчик. Пока он убирал в комнате, я взялась за принесенные мне Лаки и Фо книги и документы, хотя и не знала, что читать в первую очередь. Все же выбрала устав – это важнее, а историю потом можно почитать. Устав как устав: цели, задачи, структура, несколько процедурных моментов, но в основном отсылки на другие, уже закрытые от посторонних документы. Цели и задачи этой носившей очень длинное и совершенно невыговариваемое и незапоминаемое название (наверное, потому ее и называли просто конторой) организации, были ясны: предотвращение, а в идеале и полное исключение возможности нападений исконников, разработка методов противодействия влиянию создаваемых исконниками приборов и минимизация последствий этого влияния, а также помощь населению во время нападений, хотя в основном эта функция, как и обязанности обычной разведки – выявление групп, внедрение в них своих людей и так далее, –

выполнялись совсем другими организациями. Эта же являлась именно научным учреждением, пусть неофициально и полувоенным. Полу-потому что, хотя в основном организация состояла из гражданских лиц, кое-какие военные требования соблюдались: к примеру, сдача нормативов по физподготовке и стрельбе была обязательна для всех. Ой, и для меня тоже? Тогда они рискуют погибнуть от моих «тантанов» – я же, наверное, и с трех метров в мишень не попаду, а вот промахнусь «в яблочко». Но Кью, кажется, тоже особым талантом стрелка не отличается – на пикнике она вечно промахивалась по мячу, жалуясь на плохой глазомер. Так что, может, и мне не стоит пока волноваться?

Ладно, а что там со структурой этой невыговариваемой организации? Головное руководство в Москве, филиалы во всех городах с численностью жителей более ста тысяч человек, но полностью укомплектованные – только в областных центрах, а в остальных только отделы быстрого реагирования, усиленные несколькими научными сотрудниками. Плюс в некоторых из филиалов опорные лаборатории, накрывавшие всю европейскую часть и Урал своеобразной «сеткой» из вытянутых с севера на юг узких ромбов. Этот город как раз и входил в состав такого «ромба» с вершинами в Дебрянске (здесь сохранилось старинное название города) на западе, Вологде на севере, Саратове на востоке, и Кубани (так тут называли наш Краснодар) на юге. Почему этот город попал в состав «ромба», я сначала не поняла, потом сообразила: в этом «ромбе» находилась Москва, и, кроме лабораторий в углах, были дополнительные примерно в середине каждой стороны – Тверь, Пенза, Сталинград (опять же здесь сохранили старое название), ну и наш город, который, ко всему прочему, находился недалеко от границы с Украиной – пусть и не враждебным к этой России, но все же другим государством.

Полностью укомплектованные филиалы состояли из пяти отделов: научного, в котором работали физики, медики, биологи и другие ученые; технического, где разрабатывались приборы для обнаружения собираемых искомниками установок по какому-то особому фону (вот о чем тогда говорили Хаук и Лаки), и другая аппаратура; отдел быстрого реагирования; обслуживающий отдел, то есть водители, повара, ремонтники и другие, необходимые в каждой организации, люди; и, наконец, архив, номинально относившийся к научному отделу, но имевший свое руководство и состоявший из трех подразделов – библиотеки, открытой части архива и раздела секретной документации. При этом основная работа шла в смешанных группах: ученые, аналитики и инженеры разрабатывали темы совместно, а то и привлекали сотрудников из отделов быстрого реагирования и обслуживания. Видимо, и команда Хаука создана по такому принципу.

Кроме общенормативных документов в папке лежали листы, касавшиеся лично меня. Мне было очень интересно узнать, что любому выявленному параллельщику за сотрудничество с этой невыговариваемой организацией, а именно за разрешение медицинского обследования, и/или предоставление других сведений о себе, своем мире и моменте попадания в этот мир, полагалось очень даже неплохое денежное вознаграждение; там даже прејскурант указывался, в котором против большинства пунктов стояли пометки «если», «в случае», «возможна ситуация», и только рядом с медицинскими обследованиями таких пометок не было. Я прикинула список к своему случаю, и поняла, что я единственная, подпадающая почти под все пункты этого странного прејскуранта, потому что все отлично помнила о своей родине и многое могла о ней рассказать, и предоставила образцы техники и одежды своего мира, и даже то, что в списке не указывалось, – фотографии и видео. Подсчитав суммы из прејскуранта, я поняла, почему так удивлялась Фо: мне на самом деле полагалось намного больше, чем перечислили на счет.

Кроме денег каждому параллельщику предоставлялось жилье, хотя это не являлось благотворительностью, ведь так легче было наблюдать за «подопытным кроликом», да и безопаснее для общества, а то вдруг он пойдет к искомникам в поиске поддержки, поверив, что они смогут вернуть его обратно. Кроме жилья выявленным «перемещенным лицам», как их назы-

вали в документах, полагалось обучение любой специальности, какую они могут освоить, индивидуальное медицинское обслуживание (это опять же требовалось в первую очередь самому государству), а детям – неплохое денежное пособие вплоть до совершеннолетия или окончания учебы в техникуме или вузе, без разницы, жили ли они в детдоме или же имели опекунов или приемных родителей. Последний пункт добавили всего пять лет назад, значит, Лаки под него не подпадал.

Я еще раз просмотрела список льгот, преysкурant и подумала: что именно местные могут выудить из моих рассказов и записей? Фотки и видео там не очень качественные, да и глупые на взгляд постороннего: корявое дерево, старинный особнячок, или, к примеру, забавное объяснение. Но им здесь необходимо все, чтобы знать, что именно ожидать при следующей атаке исконников. Стоп! А что Лаки говорил о «вариантах будущего, а то и прошлого»? О призраках уничтоженных ядерными взрывами домов, возникавших в Чикаго? Неужели это тоже где-то есть? Не хочется такого будущего, да и прошлого тоже. Нам Японии в сорок пятом хватило. Интересно, а здесь такое было? Я потянулась к справочнику – толстому тому вроде «Истории для поступающих в вузы». Так, где здесь двадцатый век? Ага, вот. Было, но только в Нагасаки – до этого погода стояла нелетная. Ну хоть эти полторы сотни тысяч человек здесь остались живы.

Ладно, а что там с моими обязанностями? Я полистала должностные инструкции и поняла, что мне предложили работу обычного библиотекаря в научной библиотеке. Подчиняться я должна была заведующей архивом, выдавать книги исключительно сотрудникам конторы, по письменному запросу начальников отделов или научных групп, работать с электронным каталогом. Интересно, а какая здесь операционная система? А то переучиваться на что-то совсем незнакомое – это сколько времени уйдет? Еще я, как и все сотрудники, была обязана пройти курсы оказания первой помощи, сдать нормативы по стрельбе из пистолета и физподготовке, и... все. Вроде ничего особо сложного, кроме этой самой стрельбы и физподготовки, но с этим разберемся позже. Конечно, еще подписка о неразглашении, но это и так подразумевается, к тому же на самом деле безопаснее для меня самой. Хотя если сотрудники живут в отдельном доме, то и так понятно, что они, а значит и я, связаны с конторой, и никакой разведки для выяснения этого вопроса не требуется.

Интересно, а сколько здесь всего сотрудников? Надо прикинуть: дом двадцатипятиэтажный, но первый этаж, кажется, не жилой, а квартиры сотрудников, насколько я поняла, только с восточной стороны, по три на этаже, значит, всего семьдесят две квартиры. Но Кью и Лот ведь не здесь живут, а где-то еще. Получается, что в конторе человек сто работают, это если всех считать, от начальства до уборщиц.

* * *

Просидев с бумагами несколько часов, я все же вспомнила про обед. Суп уже съели, нужно готовить что-то еще. В морозилке, кажется, лежали пакеты с «весенними овощами», можно супчик сварить, он как раз по погоде. А на ужин, наверное, моло[#]ки пожарю – тоже видела в морозилке, целый брусок. Много и сытно, особенно с картошкой. Подозреваю, Фо не одна с работы вернется.

Я и ошиблась, и не ошиблась: Света пришла не одна, но не с уже знакомой мне компанией, а с тремя подругами.

– Привет! Познакомься, это мои одноклассницы, мы решили сегодня девичник устроить. А это Ната, она недавно из Сибири приехала. Держи.

Я подхватила бумажную коробку с тортом – то ли дань традиции, то ли экоупаковку, – и пакет еще с чем-то съестным, а также булькающим. В пакете оказались две коробки конфет и две бутылки вина. Света же, не переодеваясь, заскочила в зал и принесла оттуда бокалы:

– Как раз на пятерых.

Девичник получился довольно интересным, благо что мне говорить особо не пришлось: две подружки Фо оказались портнихами, одна – продавщицей в отделе косметики, и все три очень хотели поделиться новостями. Теперь понятно, почему Фотончик так хорошо разбирается в косметике. Все три подружки принесли с собой журналы, буклеты и прочую макулатуру из разряда «дамское счастье» и весь вечер обсуждали, что к чему, что кому идет и сколько все это будет стоить. Я уже немного знала Фо, и поняла, что ей доставляют удовольствие именно разговоры о моде, но не покупка всего и вся: гардероб у моей хозяйки был идеально продуманным и не отличался обилием вещей, скорее – их качеством. Подружки Фо на некоторое время «взяли в оборот» и меня, и я спаслась от расспросов на тему «а что у вас в городе носят», случайно заметив, что один из входивших в моду воротников похож на воротнички курсисток с картин передвижников. Этого хватило – меня приняли в «свои», признав, что в моде я разбираюсь, и больше расспросами не мучили.

* * *

Суббота, утро, традиционный ранний подъем, но теперь уже по делу – нужно было выполнять обещание (а может, обязанность?) и идти с Фо в контору, на медосмотр. К счастью, Света не стала испытывать мои силы «марш-броском», выбрав вполне устраивавший меня троллейбус, совершенно пустой по раннему времени, так что только от остановки до конторы квартала два пройти и оставалось.

В этот раз я немного лучше смогла рассмотреть и саму контору, и ее окрестности. Старинные кварталы с кирпичными доходными домами в два-три этажа, техникумом еще дореволюционной постройки (табличка на нем гласила, что раньше он был реальным училищем, в котором учился какой-то местный общественный деятель довоенного времени), трехэтажная старинная же фабрика. Света кивнула на нее:

– До развала Союза здесь делали папиросы, теперь перестроили под мебельную фабрику, они и по индивидуальному заказу хорошо работают. Как квартиру получишь, советую у них заказать, они нам скидку делают как соседям.

Территория, занимаемая конторой, на самом деле когда-то была усадьбой, а основное здание вообще считалось самым старым в городе, построенным еще в начале восемнадцатого века – об этом сообщала еще одна табличка. Флигели, хотя тоже старинные, построили уже намного позже, но на старых фундаментах и подвалах, только бетонный гараж за дальним флигелем возвели совсем недавно, но с крыльца он не был замечен, потому что находился на склоне и имел свой рабочий двор. Зато входов в основной двор оказалось целых два – «парадный» с верхней улицы, и «рабочий», выходявший как раз на спускавшийся с холма крутой переулок и двор гаража. Через ажурные ворота «нижнего» входа виднелся чудесный прозор⁴ на искрившуюся между куртинами деревьев небольшую реку и частные дома за ней.

– Там сейчас у нас дачи, – кивнула в сторону речки Фо, и, заметив мой интерес к архитектуре, продолжила: – Усадьба раньше принадлежала какому-то боярину, а церковь домовая считалась, это потом тут спуск к реке сделали, уже при Катеньке. Что удивляешься? Я тоже такие слова знаю, наслушалась от аналитиков. Они долго объясняли, почему именно это место выбрано под контору, и с исторической справкой. Спросишь у Сола, он как раз имел с этим дело... Пойдем, работы много.

В прошлый раз меня проводили в длинный флигель «глаголем», из-за которого виднелась колокольня, теперь же Фо направилась к не такому большому зданию с торца двора. Но и этот флигель оказался с обширным подвалом, в котором, как я вскоре узнала на собственном опыте,

⁴ Прозор – старинное слово, обозначающее открытый вид на что-нибудь. (Примеч. автора.)

стояли и томограф (как они его сюда протащили, я не поняла, он даже в разобранном виде очень большой), и энцефалограф, и еще уйма всяких приборов, на которых Фо меня пытала несколько часов. Причем иногда и в прямом смысле пытала – колола иглками и била током, выясняя скорость передачи нервного импульса. С энцефалографом мне тоже было «весело» – потребовалось решать задачи то на скорость, то на сообразительность. А еще кардиограммы в покое, при ходьбе и беге... Под конец я взмокла как мышь, Фо же все недовольно ворчала:

– Нет результата. Опять нет! Отдыхай.

– Какого результата? – Я свалилась с велотренажера, отлепила датчики.

– Есть теория, что параллельщики обладают врожденными особенностями, делающими их чувствительными к изменению пространства. Эту теорию поддерживал дед Лаки, но доказательств не нашел, как и опровержений. Наши приборы не могут этого засечь, даже если такие особенности существуют. Или для этого необходимо, чтобы человек находился в зоне? Мы не знаем. – Она устало откинулась на стуле.

– Какие особенности? Вроде я – нормальный человек, не мутант двухголовый. – Я попыталась пошутить, но Фо ответила серьезно, причем подробно. Как оказалось, у нее было умение все объяснять толково, но только по специальности:

– Ты, как и все параллельщики, нормальна, но мы не знаем многих законов работы мозга, нервной системы, сознания, даже не можем сказать, что норма, а что – нет. Это если в приложении к вашей проблеме говорить. Все, пойдем в душ, мне тоже в себя прийти нужно. А потом в «Курятник», обедать.

– В какой курятник? – не поняла я.

– На углу есть фирменный магазин и небольшое кафе от местной птицефабрики, там всегда хорошо готовят. Так ты идешь?

Потом, посвежевшие после душа, мы сидели в «Курятнике», оказавшемся очень даже неплохим кафе с тематическим оформлением и отличным, хотя и предсказуемым меню: куры, цыплята и яйца во всех видах, плюс выращивавшиеся на той же птицефабрике шампиньоны, ну и продукты партнеров – местных же колхозов и фермерских хозяйств, в основном в виде гарниров. Фо там знала отлично, да и она великолепно разбиралась в предлагавшихся блюдах:

– Лапша по-домашнему, жульен из курицы с шампиньонами... по две порции на каждую, бисквиты и... Ната, ты что хочешь – кофе или чай?

Я, уставшая и голодная, даже не думала:

– Кофе с мороженым.

– Два кофе с мороженым, но после второго блюда.

Света отдала официантке в стилизованной «цыплячьей» форме – желтых блузке и юбке и красной наклке-«гребешке» – так и не открытое меню и улыбнулась мне:

– Принесут быстро, лапша здесь всегда дежурное блюдо, а жульены – одно из популярных. Поедим и поедем отдыхать, а завтра генеральную уборку устроим. О, наш заказ. Спасибо! Так вот, завтра – уборка и стирка, а послезавтра, думаю, тебе пора знакомиться с работой. Поедешь со мной, я покажу, где архив, познакомлю с будущим начальством.

– Угу. – Я кивнула, потому что в это время думала только о невероятно вкусной лапше, сделанной местными поварами. Это уж точно был не «Доширак».

За окном светило солнце, виднелся бело-голубой угол старинной церкви, и все казалось простым и ясным.

Глава 2

– Ну как, Со, обжилась? – раздался негромкий (библиотека все же) веселый голос. Я подняла голову, улыбнулась Хауку:

– Привет! Обживаюсь.

– Мои тебя не замучили? – Он присел на край стола, оглядел не очень большую комнату, светлую скорее из-за белой, «под известь», краски стен, чем благодаря небольшому окну в глубокой нише: стены главного корпуса были почти полутораметровыми.

– Чем? Оба вкалывают как каторжные. – Я рассмеялась, вспомнив, как каждое утро Пол и Сол приходили, брали гору книг, причем в основном исторических и археологических исследований по местной тематике (у нас в библиотеке и такое хранилось), и до обеда словно исчезали, спрятавшись в углу и что-то выискивая в этих самых книгах.

– Что ты им за задание дал? Неделю уже головы от талмудов не поднимают.

– Важное. – Парень не шутил и ответил, как мог: контора-то не обычная, секретность здесь хоть и неявная, но всегда подразумевается. – Ничего, в выходные опять анализировать пойдут.

– Пойдут... – Я отложила стопку новых брошюр, данные о которых уже ввела в каталог. – А потом тебе придется их разнимать, как две недели назад.

Хаук усмехнулся, вспомнив ту историю. Эти друзья-товарищи – Пол с Солом – на самом деле иногда на выходные любили «проанализировать» бутылочку чего-нибудь покрепче лимонада и периодически вляпывались в забавные истории. Алкоголиками они не были, да даже любителями спиртного – иначе в конторе бы не работали, – и знали, что, где и с кем можно делать, поэтому все обычно заканчивалось смехом. Но две недели назад они, будучи уже в состоянии «анализа ситуации», решили вызвать на дуэль на кулачках двух ребят из отдела быстрого реагирования, бывших вэдэвэшников. Двойная дуэль проходила на площадке между находившимися рядом с нашей «свечкой» гаражами, поэтому посторонних там не бывало. Зато явились Хаук с Попом и Лаки и надавали оплеух всем четверым, при этом Хаук с Попом урезонивали вэдэвэшников, а Лаки – наших аналитиков, благо оба уже здорово раскисли от выпитого. В результате мы с Фо лечили всю компанию, а в понедельник все семеро «дуэлянтов» «светили» полусошедшими синяками.

– Тебе что-то нужно?

Я взглянула на физика, он кивнул:

– Да, хотел пригласить тебя в кино, на новый фильм Уиллкотта.

– Не смогу, – вздохнула я. – У меня сегодня медкурсы, сама Фо контролирует, как учусь. Если только завтра, даже послезавтра – завтра ведь тир, а Поп трясет не хуже Фо.

– Завтра я дежурный по корпусу, – вздохнул уже Хаук, – а послезавтра тоже в тир, Поп из меня душу вынет, если я ему норматив не сдам. Вам, девушкам, легче: хоть раз в мишень попадете – уже хорошо, а мне нужно выбивать не меньше «восьмерки». Тогда в субботу?

– Давай, – кивнула я, краем глаза заметив выходящую из «особого» архива заведующую.

Хаук тоже увидел ее, вскочил, кивнул:

– Добрый день, Маргарита Васильевна.

– Здравствуйте, Саша.

Заведующая архивом была единственной в конторе, кто не признавал наших «уличных кличек». В остальном она совсем не походила на привычную библиотечаршу или сотрудницу архива, и в ее послужном списке первой стояла запись «лаборант-испытатель», а местом работы – та самая первая зона. После развала института, а потом и страны, Мара, как ее звали близкие друзья, а за глаза и все мы, помыкалась без работы и устроилась вахтером в какую-то фирму, причем слово «вахтер» маскировало реальную должность вполне себе нормального

охранника с правом ношения оружия. Никто и подумать не мог, что худошавая скромная «вахтерша» – отличник военной подготовки, лейтенант в отставке, причем со связями в милиции. Несколько «братков», пытавшихся было «отжать» у фирмы часть прибыли, быстро отправились в места не столь отдаленные, правда полежав перед этим на больничных койках: Мара была отличным стрелком. Но и самой Овчарке, как ее тогда прозвали, требовалось на время сменить место жительства: «братки» не простили ей профессионализма. В это время как раз началась заварушка на Урале, и новое правительство стало спешно собирать разогнанных было «прислужников тоталитаризма», как только что «величали» бывших работников института. Мару вызвали одной из первых – у нее имелся опыт и научной, и боевой деятельности. Она переехала не задумываясь, несколько лет кидалась в самые опасные зоны на Урале, потом попала в перестрелку с сепаратистами и была вынуждена оставить столь любимую ею работу. После долгой реабилитации Мара добилась разрешения вернуться в контору, но уже не в отдел быстрого реагирования, а заведующей архивом, и приехала на родину, работая с тех пор в нашем филиале конторы.

Простите, долго все объясняю, но уж больно люди у нас колоритные, если приглядеться. А Маргарита Васильевна – о, ее уважали все, даже Петр Анатольевич к ее советам прислушивался. И никто никогда не обсуждал ее нелюбовь к прозвищам: она так и не забыла Овчарку, да и тех «братков» четвертьвековой давности. Теперь же она внимательно и немного неодобрительно смотрела на нас с Хауком. Тот еще раз кивнул заведующей и убежал к себе в отдел. Мара проводила его взглядом и обернулась ко мне:

– Ната, вы кокетка! Столько хороших парней вокруг вас увиваются, а вы всем от ворот поворот даете. Не девочка ведь уже, и голова на плечах есть, а...

– Простите, дорогая Мара, но и вы не безупречны. – Из общего отдела архива вышел Павел Иванович, отвечавший за открытую часть документации. – Вы тоже долго амазонкой были, а за вами весь институт бегал. Приглашаю вас, дамы и девицы, на чай – уже вскипел.

Павел Иванович галантно указал на дверь своего архива, где мы обычно чаевничали, и улыбнулся. Он тоже был единственным и неповторимым, как и все сотрудники конторы. Невысокий, очень немолодой – хорошо за семьдесят, – он выглядел, словно пришел из другого времени: неизменный берет, светло-серая, в тончайшую полоску, рубашка, обязательная вязаная безрукавка с узором из ромбов, идеально отглаженные брюки и немного стоптанные – ему так было удобнее – ортопедические ботинки. И снова не стоило обманываться: забавный вид профессора – божий одуванчик соответствовал реальности не больше, чем Маргарита Васильевна – традиционной библиотечкарше. Причем дважды не соответствовал. Во-первых, Павел Иванович был капитаном в отставке, перешедшим работать в секретный институт еще в конце семидесятых и уже там защитившим докторскую (кандидатскую он защитил в армии). Отличный физик, в девяностых он, к сожалению, не смог освоить быстро меняющуюся вычислительную технику, и верхом его возможностей стал электронный каталог. Такое бывает, особенно когда человек десять лет не работает по специальности. Но это совсем не означало, что Павел Иванович «сдал позиции», просто он перешел на более спокойные «рубежи», фактически являясь соавтором многих работ наших физиков. Второе несоответствие вида и реальности: от рождения светловолосый и голубоглазый, с идеальной дикцией и русским именем-отчеством, был он чистокровным евреем самой лучшей «разновидности» – веселым, никогда не опускающим руки, честнейшим бессребреником и добрейшим человеком. Я до этого, так получилось, с евреями не сталкивалась, и первое знакомство с их представителем меня порадовало.

В закутке «открытого» архива на самом деле все уже было готово для чаепития: электрический самовар пыхтел паром, в вазочке высилась горка из нескольких видов печенья, на столе стояла коробка конфет, в «хохломо́й» сахарнице искрился рассыпчатый сахар (ни Мара, ни Павел Иванович не признавали кускового: «нельзя взять столько, сколько нужно: или несладко, или переслащено»), посверкивали позолотой фарфоровые чашки и блюдца. Роскошь такого

чаепития до сих пор казалась мне непривычной: всюду, где мне приходилось работать, люди обычно пользовались дешевыми кружками, а об остальных предметах сервировки и не вспоминали; только на кафедре института, в котором я училась, преподаватели устраивали подобные застолья, но далеко не каждый день. Павел же Иванович как старший из нас давно ввел эту традицию, и к нему на чай заскакивали и руководители отделов, и Петр Анатольевич.

– Прошу вас. – Павел Иванович придвинул стул сначала Маргарите Васильевне, потом мне и лишь затем сел сам. Дальше была уже моя работа – аккуратно и красиво разлить по чашкам чай.

Пока я возилась с напитком, Мара продолжала несколько наигранно возмущаться нехваткой в нашей конторе девушек. Это было верно – только Фо и я считались «невестами», а все остальные представительницы «слабого пола» давно уже являлись замужними дамами, что и неудивительно: из девятиста пяти человек коллектива всего девятнадцать женщин, считая пожилую сухорукую уборщицу.

– Ната, ну скажите, что за поколение у вас? Чем вам эти трое не нравятся? Всем ведь хороши, а ни одна девушка на них внимания не обращает! – Мара имела в виду Хаука, Попа и Лаки, действительно не пользовавшихся вниманием прекрасного пола. Спокойные и ответственные, они были слишком заняты работой, слишком серьезны и отстранены, чтобы девушки чувствовали себя рядом с ними комфортно. Вот Пол с Солом – да, душа компании и мечта девушек, по ним вздыхали многие подруги Фо и Кью.

– Ну почему вы отказали Саше? – допытывалась у меня Мара.

Я пожала плечами:

– Не отказала, но сегодня у меня курсы, и вы первая мне выговор сделаете, если пропущу их; про Свету вообще говорить не буду – съест.

– Ната, нельзя так, вы ведь всю жизнь одна проживете!

– А вы, Марочка, во сколько семью завели? – ласково напомнил Павел Иванович.

Заведующая замолкла, потому что на самом деле замуж вышла после сорока, что, впрочем, не помешало ей родить двух «оболтусов», старший из которых учился в десятом классе, а младший закончил начальную школу.

Я слушала Мару и Павла Ивановича и молчала: они оба забыли, кто я, и откуда, и что мне нужно вернуться в свой мир. Парни же просто взяли надо мной шефство, чтобы я не чувствовала себя одинокой и чужой. Точно такое же шефство взяли на себя и Фо с Кью, периодически таская меня в магазины, обсуждая журналы и модную музыку. Последняя была для меня совершенно непривычна: не старомодные мелодии, которые вроде бы должны были соответствовать носимой в этом мире одежде, но и не попса и рэп моего мира, а что-то иное, столь же энергичное, как музыка моей родины, но намного более мелодичное, с вмняемыми текстами песен.

– Ната, вы опять витаєте в облаках? – перебил мои мысли Павел Иванович.

– Простите, задумалась, – улыбнулась я.

– О родине? – понимающе кивнул он. – Потерпите немного, наши ученые уже поняли принцип работы прибора Миши, да и его самого, надеюсь, скоро найдут живым и здоровым.

Павел Иванович был лично, хотя и не очень близко, знаком с тем самым ученым, из-за которого я оказалась в этом мире:

Михаил Петрович когда-то учился у друга Павла Ивановича.

– Вы ведь знаете, над чем он работал? – Маргарита Васильевна протянула мне чашку, прося еще чаю.

– Практически нет, в последние годы мы не общались. – Павел Иванович тоже протянул мне чашку. – Насколько знаю, он разрабатывал одно из предположений опекуна вашего, Ната, друга Лаки. Простите, Мара, но в данном случае «кличка» этому молодому человеку ближе, чем официальное имя. А работа Миши... Существовала такая теория, не подтверждавшаяся

расчетами и экспериментами, но и не опровергавшаяся ими, ее отчасти поддерживал дед Лаки: что только один раз произошел реальный перенос поверхности между пространствами – в том, довоенном эксперименте. Все же действия исконников вызывают не смещение пространства как такового, а временную материализацию возможных вариантов прошлого и будущего, которым не нашлось места в реальной Вселенной.

– Да, Лаки мне о таком говорил. – Я потянулась к коробке с конфетами. – Но люди? Я? Мой мир?!

– Люди... В том и дело, что в реальности к нам попадают только люди. Миша придерживается мнения, что действия исконников вырывают из других миров, или вселенных, если хотите, только людей и что основные методы воздействия исконников не соответствуют тем фактам, которые мы знаем о первом эксперименте. Мара, вы ведь хорошо помните первую зону? И все данные по ней? Каким количеством энергии могли располагать наши предшественники? В лучшем случае это соответствует тому электричеству, которое сейчас потребляет один дом-«свечка». И какой результат? А техника исконников выкачивает энергию целого города и не может сделать ничего, кроме кратковременной материализации призраков и блокады.

– Вы преувеличиваете. – Маргарита Васильевна слегка поморщилась.

– Не я, это теория Миши. – Павел Иванович отставил пустую чашку. – Он думает, что можно переносить сюда не участки иного мира, а... «проложить тропинку» между мирами, если позволите образное выражение. Как видите, он оказался прав. Простите, Ната, я сейчас говорю о теории, а для вас это – жизнь. Но теорию Миши сейчас разрабатывают ведущие ученые страны, так что...

– Теория – это теория. – Мара тоже отставила чашку. – А меня интересует жизнь. И люди. Я все же не могу понять, чем вам наши ребята не нравятся.

– Нравятся, – отвечала я честно: местные парни мне на самом деле нравились, тем более Хаук, Поп и Лаки, и я тоже не понимала, почему девушки сторонятся их. Даже доброжелательная ко всем Кью, принимая Попа, несколько напрягалась в компании Хаука и Лаки. Только Фо без особых заморочек дружила с этой троицей, а с Попом вообще могла по-детски подражаться из-за диванной подушки или добавки к ужину, правда с Лаки и тем более с Хауком она себе таких вольностей не позволяла, да и они не особо стремились к детсадовским дурачествам, хотя посмеяться тоже любили. В нашей компании.

– Так если нравятся, то... – Заведующая не договорила, потому что в примкнувшую на время чаепития дверь постучали. Пора было возвращаться к работе.

Мара пошла открывать, я собирала для мытья посуду, Павел Иванович отошел к привычной для него старомодной (и надежной) картотеке, перед этим взглянув на меня:

– Не волнуйтесь, Ната, все образуется.

* * *

Я вернулась к работе, машинально сканируя выходные данные брошюр и внося их в каталог, но думая не о текущих делах, а о прошедших трех месяцах.

Тогда, в начале июня, мне пришлось многому учиться с авральной скоростью, особенно навыкам библиотекаря. Мало того что я не знала особенностей профессии (это лишь кажется, что библиотекари только улыбаются посетителям, дают книги и требуют соблюдать тишину), так еще и другая операционная система на компьютерах, немного иное расположение клавиш на клавиатуре, разработанное не под стандартно-уравнительный международный вариант, а именно под русских. Кому интересно – попробуйте откопать советские калькуляторы и понять, как что работает. Вроде бы все просто, но ведь все уже привыкли к другим обозначениям, другим движениям пальцев. Выработавшийся с детства рефлекс очень сложно изменить. А тут иным, пусть и столь же удобным, когда разберешься, оказывалось все. Как и сама операционная

система, которую здесь начали разрабатывать тогда же, когда и Windows у нас, причем операционка эта была русской. Вопросов совместимости не побоялись, людей талантливых подключили, и в результате вышло все очень даже неплохо: несколько пакетов программ для разных потребителей – от обычных домохозяек до спецслужб – были именно русскими, да и в других странах пользовались популярностью, к примеру в Индии, а это ведь огромный рынок сбыта.

Но все эти плюсы совсем не помогали мне освоить новую технику, особенно когда и работать приходилось не по профессии, и помочь было некому: Маргарите Васильевне как раз в это время пришлось уехать в Москву, Павел Иванович сам с такой техникой не очень дружил, а Фо и парни работали. Вот и получилось, что вместо недели на освоение своих обязанностей я потратила почти месяц, а полностью втянулась в работу только к концу лета.

Сложности возникли и со многими другими мелочами, из которых как раз и состоит жизнь: как выбрать нужные продукты, определить размер одежды и обуви (обычных для меня «эсок», «элек» и тому подобных международных обозначений не существовало, ведь практически вся одежда производилась в России), да даже как оплатить проезд в транспорте. У нас тоже кое-где к тому времени ввели электронные карты, браслеты и сходные с ними вещицы, но, в основном, в мегаполисах, а так: «Передайте за проезд, пожалуйста». Теперь же мне пришлось привыкать платить с телефона. Да много к чему пришлось привыкать, так что вскоре я совсем замotalась. Лето, солнце, зелень, а я сутками сидела за компом: то на работе, то оккупировав ноут Фо, – а выходя в город, шарахалась ото всего, потому что обычная для «туриста» самоуверенность первых дней исчезла слишком быстро. И ребята наконец не выдержали.

– Так, мышь библиотечная, на пятницу берешь отгул, мы уже договорились! – Хаук не собирался слушать никаких возражений. – Мы тоже берем отгулы. На три дня едем отдыхать. Палатки, спальники – за нами. И мы отдохнем, и ты в себя придеешь, иначе свалишься, а Фо потом за тебя отвечать.

– Хорошо. – Я на самом деле устала до невозможности, даже по ночам снились мониторы и таблицы каталогов. – Что брать-то?

– Одежду, остальное – наша забота. – Он взглянул на экран компа. – Стиль «космический корабль»?

– Его я хотя бы понимаю.

Я щелкнула по «открытке» (так здесь называли аналог «иконки») ненужного документа, перетаскив ее в правый верхний угол экрана. «Железные шторы» «мусороприемника» мультишно разошлись и захлопнулись, по «схеме корабля» пробежал огонек. Все, в отличие от твора Гейтса, было наглядно, а поиск файлов в таком вот оформлении системы напоминал игру-путешествие по кораблю – здесь существовали интерьеры «кинотеатра», «библиотеки», «кабинета» и еще несколько подобных скинов, помогавших новичкам освоиться с программой.

– Неудивительно. – Физик улыбнулся. – Тебе нашу технику еще долго осваивать, пока на обычные экраны перейдешь. Ладно, до завтра!

В пятницу утром собрались все, я этого даже не ожидала. Машина Лота была забита тюками и ящиками, и нам пришлось потесниться, чтобы все могли усестись.

– Все собрались? – не выдержал долгой возни Лот.

– Поднимите лапы, кто опоздал? – Хаук обернулся с переднего сиденья. – Лап не вижу, значит, все на месте, можем ехать.

Я от неожиданной шутки фыркнула и едва не упала с края сиденья. Пол успел поддержать меня:

– Погодь, Лот, сейчас пересядем, а то дамы с лавок падают.

– Не дамы, а девицы, – поправила его Кью. – Я тут одна замужняя дама.

– Будешь ворчать, тоже в разряд девиц перейдешь. – Лот, не оборачиваясь, шутливо осадил жену. – Так едем, или до вечера устраиваться будете?

– Все! – Пол упер ноги в какой-то баул и улыбнулся. – Ну как, Сплюшка, теперь не падаешь?

– И не дышу.

Меня зажало между ним и Солом, а последний, в отличие от друга, занимал довольно много места, к тому же, как многие полноватые люди, был горячим как печка: хорошо что еще раннее утро, жары нет, иначе бы сварилась.

Пока ехали, болтали о конторских делах, становившихся понятными и мне, и о том, что будем делать в предстоящие три дня. Парни галантно спрашивали мое мнение, каждый раз спотыкаясь на прозвище:

– Спл... юшка, как тебе наша контора?

– Нат... Сплюшка, ты на самом деле плавать не умеешь? Ничего, научим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.